

Юный Натуралист

ISSN 0205-5767

1994

4

СКОРЛУПА КОКОСОВОГО ОРЕХА

ЖИРАФЫ

Жирафы поневоле на всех смотрят свысока — рост-то почти с телеграфный столб. Как только у них на такой высоте голова не кружится! Птицы, бывает, разбиваются о провода, случается такое и с жирафами. Зверь на вид поразительный, и сравнить его не с кем. В жирафе все удивительно.

Лендровер мягко катится среди светлых кустов и рощиц. Я, высунувшись из люка, смотрю вперед. Вдруг справа возникла жирафа, возникла из ничего. Видно, она стояла у дерева, сливаясь с ним своей пестротой. Потом я часто видел этот фокус: жираф, стоя среди гущи деревьев, совершенно сливается с ними, несмотря на свою яркую пестроту и огромный рост. Помните: «Слона-то я и не приметил!» Так вот слон под деревьями хорошо виден, и не приметить его невозможно. Совсем другое дело жирафы: они как загадочная картинка, их приходится выискивать глазами из зарослей по частям — вот голова, вот шея, вот туловище. Вот их «не приметить» совсем не диковинно. Наоборот, если на первый взгляд в рощице никого нет, это совсем не значит, что в ней не скрылись жирафы. Просто в своих «масках» они неразличимы в чаще.

Возникнув из ничего, жирафа вдруг появлялась рядом с машиной и, как положено всем копытным, пересекала

Продолжение. Начало см. в № 11—12 за 1993 год и в №№ 1, 2, 3 за 1994 год.

дорогу у самого радиатора — «утирала нам нос». И удалялась своим странным ходом, ни на что знакомое непохожим.

Первая в моей жизни вольная жирафа! Я вскинул фоторужье, она не помещалась в видоискатель: мелькало в нем нечто, похожее на пятнистый занавес. Это были ее бока, разрисованные бурными «кленовыми листьями». Такими «листьями» разрисованы все жирафы Танзании, в отличие от жирафов Судана, бока которых выложены «кафельными плитками».

Бег жирафа в чем-то похож на ровное покачивание игрушечного конька-качалки. Какой-то плавный полубег-полуполет. Зрелище удивительное: что-то в нем от спортивного бега и балета на льду. Особенно поражает легкость этих высоченных зверей — не бегут, а парят, хотя копыта стучат увесисто, вышибая пыль.

В телевик я видел на голове жирафа короткие рожки, поросшие шерстью, и не понимал, зачем они ему? Огромные страусиные глаза, притененные длинными, изогнутыми ресницами. Но больше всего поражала шея: как стрела подъемного крана!

Суставчатые крепкие ноги-ходули двигались, как мощные рычаги. Хвост-метелка взмахивал, как прощальный платочек.

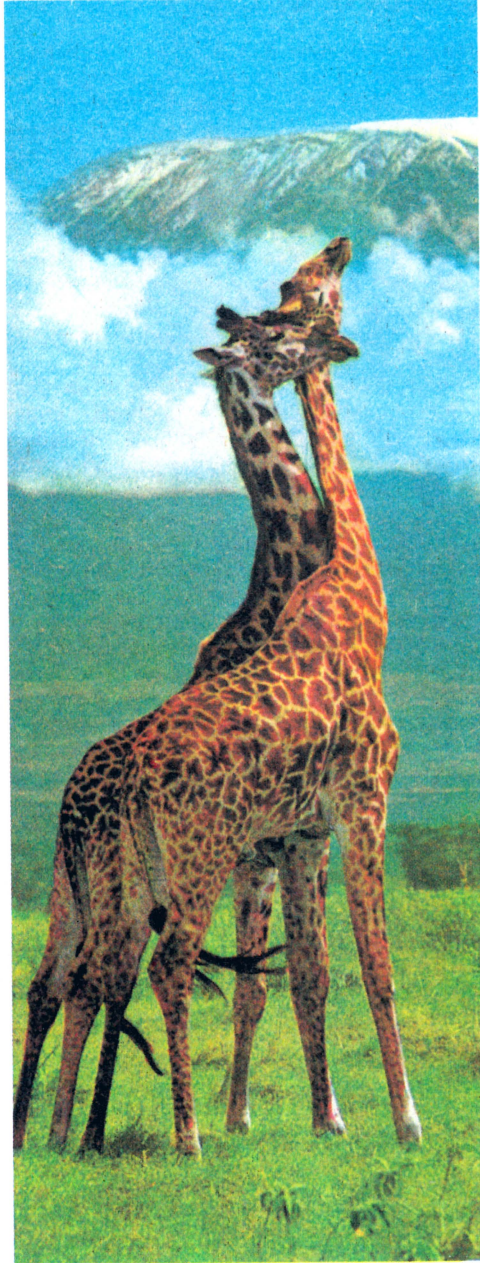
Потом был второй жираф. Этот открыто стоял у дороги. Шея его, нависая, перегородила ее, как пятнистый шлагбаум. И этот не помещался в кадре, и пришлось дать задний ход.

Навожу на фокус и одновременно разглядываю его. Он такой большой, что

**Юный
Натуралист**

1994 Научно-популярный иллюстрированный детский и юношеский журнал.
4 Выходит один раз в месяц.
Журнал основан в 1928 году.

когда навожу на морду, холка уже не в фокусе. По шее ползает волоклой — точь-в-точь дятел по сухому дереву! Волоклой для африканских зверей — слонов, носорогов, буйволов, жирафов — что-то вроде живых гребенок, вычесывающих из шерсти разную нечисть.

Звери это хорошо знают и терпят их. И волоклой действуют нагло и беспардонно: лезут в глаза, ковыряются в ухе, подвешиваются к животу, раскачиваются на кончике хвоста.

Второй жираф не умчался от нас летучим галопом, как первый, а не спеша уплыл в заросли широким размашистым шагом, тоже странно тягучим, как струйка дыма из отложенной трубки. И оба теперь смотрели на нас издали, по гордышко укрытые ветками. В телевик были видны только их головы. Казалось, два пучеглазых филина сидят рядышком на суку.

Несуразен и непонятен жираф на первый взгляд, но природа знала, что делала. Высоченные ноги и длинная шея? Так ведь жираф пасется не на подножном корме, а на надголовном! Не траву под ногами срывает, а ветки деревьев над головой. А под деревьями, среди теней и бликов, лучше всего подходит пятнистая шкура жирафа, как лоскутное одеяло. От высоченного роста есть еще выгода — с высоты далеко видно. Как с наблюдательной вышки. И бродит от роши к роше этакая живая каланча, пасется на висячих лугах и все видит вокруг.

Дизайнер природы озабочен не одной только пользой, но и красотой. Несуразный зверь вовсе не несуразный: все в нем слаженно и подогнано, все красиво и стройно. Эту его необычную красоту я и пытаюсь поймать и присвоить, затолкать и спрятать в свой аппарат, заранее зная, что вряд ли такое удастся. Это как набивание чучел: каким бы искусным ни оказался мастер — никогда мертвое чучело не передаст красоты живого. Не передаст его и никакое изображение. Вот как солнечный зайчик: все держали его на ладони, но никому не удалось зажать его в кулак.

Даже живые звери, но в неволе теряют эту вольную красоту. На воле ты видишь не просто зверя, а и то, что его окружает. Он как бы в оправе из леса или степи. Из их перемен света, цвета и даже запахов. Он — яркий мазок на великой картине. Мазок, который ее завершил.

Первые жирафы добыты. Но эти ходячие вышки и пожарные каланчи до того привлекательны, что хочется видеть их еще и еще. Не уставая, я вглядываюсь в пестрые заросли. И каждая

новая встреча радовала, как и первая.

Сегодня мы колесили по ровной открытой степи с редкими рощицами акаций и невысоких кустов. Тут жирафам спрятаться было некуда. Да они и не прятались, стояли открыто и на виду, провожая нас внимательными глазами. Некоторые стояли так, что длинные шеи их перекрещивались, образуя огромную букву «Х». Что-то вроде дорожного знака «Перекресток дорог». В ногах у них, как между жердей и кольев, бродили, покачивая клювовидными головами, неторопливые африканские вороны, похожие больше на индюков. На боках, как всегда, висели красноносые волоклюи. А рядом паслись полосатые зебры.

Считается, что жирафы и зебры любят вместе пастись. Друг другу они не мешают. Зебры пасутся у себя под ногами, а жирафы — над головой. Но, главное, жирафы все вокруг видят, а зебры все вокруг чувствуют. И под такой двойной охраной можно не волноваться. На нас жирафы и зебры не обращают внимания. Они уже пригляделись и принохались к нашей бегающей штуковине, похожей на большую консервную банку. Хоть пахнет она и противно, но не пугает и не вредит. Для развлечения можно и поглазеть.

Как нет двух львов с одинаковой мордой, так и не нашел я двух жирафов, разрисованных одинаково: в чистом поле это было отчетливо видно. Мода на одежду была одна, но каждый жираф был в своем индивидуальном костюме. В этом был какой-то свой смысл, пока непонятный мне. Может, это его имя, отчество и фамилия?

Наводя телевик на живое существо или разглядывая потом готовые снимки, постоянно находишь что-то для себя неожиданное и новое. И это всегда тебя не только радует, но еще крепче связывает, сближает с птицей и зверем, ты знаешь о нем самое сокровенное. Но, прицеливаясь, невольно думаешь: вот сейчас мог бы прозвучать выстрел! Неужели можно целиться и стрелять в жирафа? Целятся и убивают. Ну ладно уж наш затюканный спортсмен-любитель, ахающий из рушницы своей по утице, — куда ни шло. Но охотник-спортсмен богатый, цивилизованный, просвещенный?! Ему-то зачем убивать жирафов? Чтобы хвостом-метелкой потом

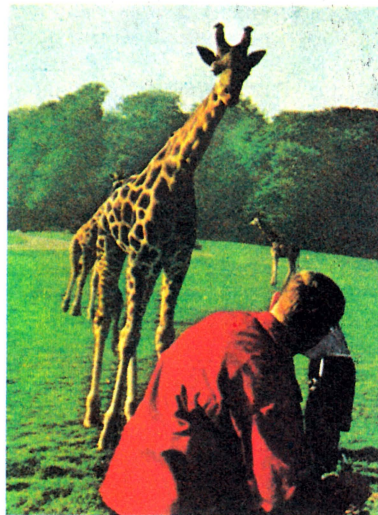
пыль сметать? Впрочем, насчет цивилизованности и просвещенности многим этим «спортсменам» далеко до нашего простецкого утробоя: почитайте-ка их книги-отчеты о подвигах на ниве африканской охоты.

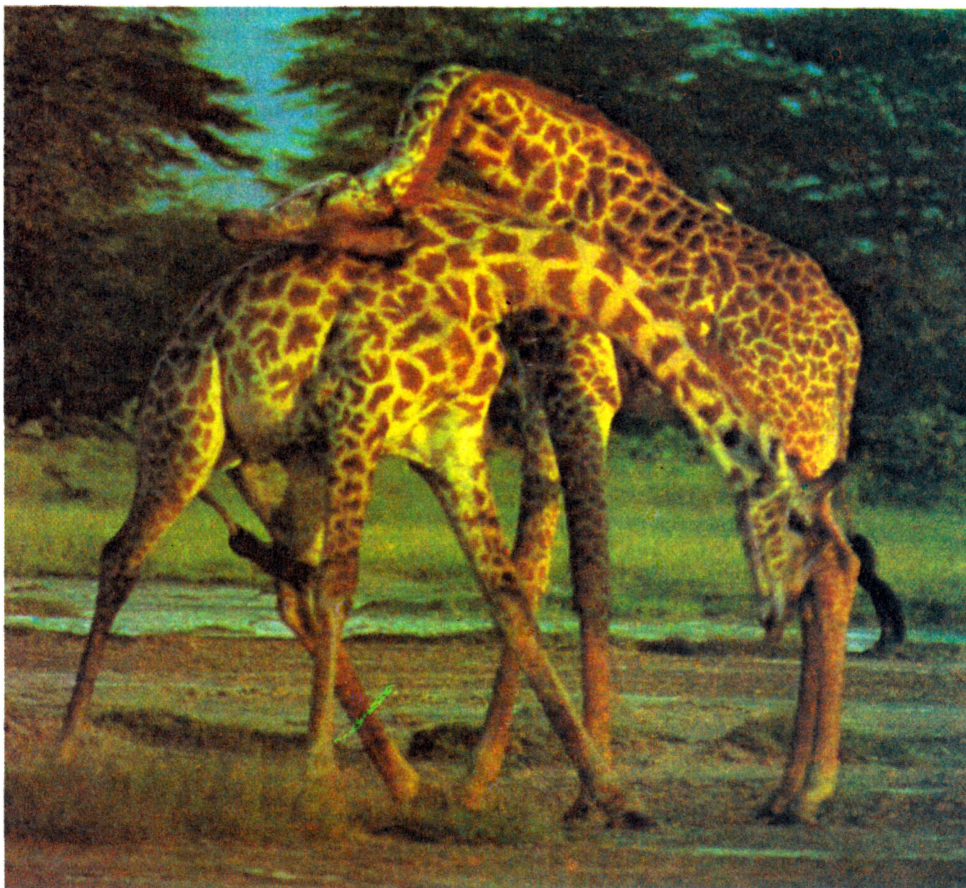
Благословенные земли! За много лет фотоохоты в наших лесах мне всего лишь несколько раз повезло снять лосей, медведей и кабанов. Тут же за месяц-два можно сделать сотни снимков больших зверей. И каких! Слонов, буйволов, бегемотов, львов, антилоп, зебр. Или вот этих жирафов, не похожих ни на что, ранее виденное тобой. Разве что на подъемные краны...

Фотоохотничий рай — и я в раю. Хватило бы только пленки, да самого бы не съели. В раю этом пока не поют псалмов и его обитатели, звери, слава богу, не виляют умильно хвостами, не заглядывают в глаза и не лижут руки.

Тарахтит, тарахтит выносливая механическая скотинка, пыля африканской пылью. Африканское солнце прожаривает лицо. Дали африканской степи уходят за горизонт. Африканский звериный рай.

Из-за кустов выходят жирафы. Идут не спеша, но что ни шаг, то четыре метра! А бегут иноходью: это когда заносит вперед сразу правую переднюю и заднюю ногу, а потом сразу левые. Верховые лошади-иноходцы очень ценятся, наезднику ехать на них одно удовольствие — ход у них ровный и плавный. Жирафов, к счастью, пока не оседлали.

Но кто поручится: приучают же наших лосей ходить под вьюком!

Бегаёт жираф и галопом и так резво, что, подобно нашему зайцу, задние ноги забрасывает за передние! Когда жирафы бегут по лесу, то даже страшно — того и гляди, голову о сучки разобьют. Но головы только ловко мелькают среди древесных вершин — словно птицы летят!

На жирафов не перестаешь удивляться. Все звери как бы горизонтальные, справа налево, а жирафы — вертикальные, сверху вниз! А язык! Мало того, что он в полметра, так им, нежным и розовым, жираф сдирает ветки с гвоздями-колючками и заталкивает в рот, такой же мягкий и нежный, как и язык! И шевелит губами, припухлыми и бархатистыми.

А жирафы на водопое! Жаркий полдень, все живое попряталось. Одни

марабу, нахохлясь, сидели на акациях, повернувшись к солнцу спиной. И тут к озерку, в котором купались слоны, подошли два жирафа. И опустили шеи к воде, словно шланги. А до воды все равно не достать, уж больно высокие ноги. Из-за них не дотянуться им и до травы — и приходится пастись на висячих древесных «лугах». Но висячих воздушных озер нет даже в Африке.

Все другие звери в таком случае зашли бы по брюхо в воду и пили бы в свое удовольствие. Но жирафы до этого почему-то никак не додумаются. То ли боятся в иле увязнуть, а может, не хотят встречаться с крокодилами. Но пить-то надо.

Видели вы растопыренные треноги фотографов? Вот в их подобие и превращаются жаждущие жирафы. Расставляют передние ноги-ходули как можно шире и свешивают шеи-шланги как мож-

но ниже. И засасывают воду губами.

И в этот момент у меня, конечно, кончилась в аппарате пленка! Пока я ее судорожно менял, шепча заклинания и молитвы — задержитесь, миленькие, еще попейте! — они уже напились и стояли, сдвинув ноги и подняв головы на высоту двухэтажного дома. И только с губ их падали блестящие длинные капли, почти такие же, как мои слезы...

После промаха, неудачи охотник и фотоохотник одинаково взывают к небу и посыпают голову пеплом. Но вот после удачи настоящий охотник, не жлоб и не хапуга, испытывает сожаление: уж очень несоизмеримы цена добытого им куска мяса с ценою загубленной жизни. Фотоохотник же при удаче не сожалеет: совесть его чиста и радость светла. И добыча его жива!

Сегодня отправляемся на заросшие лесом холмы, надеясь встретить там что-нибудь новенькое. Жирафов увидеть не ожидали: для крутых склонов и круч они не очень-то приспособлены. Но именно там, на склонах и кручах, мы их и встретили больше всего!

На склонах жирафы могли пастись сразу на двух лугах: висячем, древесном и подножном. Как два блюда: первое и второе.

Жирафы по одной, по две стояли на лесных полянках по окраинам. На фоне темной лесной стены их ярко-желтые тела, освещенные солнцем, вырисовывались особенно рельефно и четко. До чего же они все чистые и холеные, словно щетками вычищенные! Уж не своими ли хвостами-метелками, которыми постоянно обмахиваются, навели они этот блеск, все пылинки смахнули?

Машина, ворча, поднимается на очередной отрожек, а из-за гребня его возникают жирафы: сперва видишь головы, потом шеи, ноги. Жирафы растут на глазах, как грибы. Одни, увидя нас, отходят в сторону, другие стоят и ждут. Одиночки, компании, стадо. Высоченные и не очень. Передом, боком, задом. Золотые на темно-зеленой стене леса. Успевай только поворачиваться и ахать. И наводить телевик.

Когда солнце совсем село и лес стал похож на подсвеченный сбоку аквариум, картины стали просто ошеломляющими! Золотые жирафы возникли по сторонам на фоне малахито-

вой зелени и, казалось, светились! Я щелкал, забыв о пленке, пытаюсь поймать это чудо. Но отчетливо понимал, что поймать на пленку то, от чего перехватывает дыхание, никому еще не удавалось. Такое не поймает, не сохранишь. Такое можно увидеть лишь тут, в этом лесу миомбо, в его предзакатный час.

Последний на сегодня жираф, пожалуй, самый большой, стоял на склоне у самой тропы. Смотрел он на уже угасающую внизу равнину, в ее синюющую у горизонта даль. Но и с такой высоты он вряд ли видел свое будущее. Таким я его и снял.

Никто не возьмется предсказать будущее жирафов. Да и всех африканских зверей.

Тысячи жирафов были убиты во время борьбы с опасной для скота мухой цеце. Мух от этой борьбы не убавилось, а жирафов чуть-было не истребили.

Продолжение следует

Апрель-Водолей

Апрель — середина весны. Если в начале марта она только-только началась, все еще было покрыто снегом и лишь на крайнем юге России открылся фронт наступающей на север весны, то в апреле этот фронт проходит через Москву, а к концу месяца уходит за пределы средней России. И вот оживают травы, кустарники, деревья. О деревьях, правда, говорить в апреле рановато. Несмотря на сход снега, постоянство положительных среднесуточных температур, деревья еще спят. Разве только почки на них набухают и почечные чешуйки начинают растрескиваться. Не хотят они рисковать. А вдруг холода вернуться? Тогда побьют они

молодую листву, а где взять новую? Травам-то что... Погибнет один росток, а ему на смену тут же придет другой — ведь корни совсем рядом и к тому же защищенные почвой. Тут же под землей и корневища, и новые почки, да и сами листья росли уже под снегом, привыкли к холоду, можно сказать, воспитаны им с колыбели и потому не очень-то его боятся. А нежная молодая зелень деревьев и кустарников вовсе к холоду не привычная. Впрочем, у разных деревьев и кустарников — в разной степени. Мелколиственные наши породы — ольха, береза, осина, ива — менее чувствительны к холоду, а широколиственные — клен, липа, вяз, ясень

и особенно дуб — больше. Вот и выжидают дольше.

Почки кустарников разворачиваются заметно раньше, чем у деревьев, — где-то во второй половине апреля, ну а уж травы начинают пробиваться сразу же после схода снега. Не все одновременно, правда. Ведь у

одних трав почки находятся поверх слоя почвы, и их не видно сверху только потому, что они засыпаны слоем опавшей осенью листвы; у других — где-то на поверхности; у третьих — достаточно глубоко в почве, и, чтобы достичь ее уровня, им надо еще немало подрасти.

ВЕТРЕНИЦА ДУБРАВНАЯ

Самое распространенное эфемероидное растение наших апрельских лесов — ветреница. Их у нас два вида: более обычная, произрастающая под Москвой и далее к югу и востоку — ветреница лютичная, желтого цвета; и сравнительно редкая, но характерная для западных областей Смоленской, Псковской и Новгородской — ветреница дубравная, белого цвета.

Ветреницы совсем не похожи на хохлаток, хотя и те и другие — эфемероиды. У хохлаток есть чешуевидный лист, у ветрениц — нет; там два сложных листа идут друг за другом — здесь мутовка из трех листьев, гораздо менее сложных; там соцветие из довольно сложно устроенных цветков — здесь всего один и довольно простой цветок. В земле у хохлатки клубень, а у ветреницы — корневище. Но есть и что-то сходное. Оба вида представлены сравнительно малорослыми растениями, с очень небольшим числом листьев. У ветреницы один цветок, а у хохлаток — одно соцветие. Клубень хохлатки и корневище ветреницы, особенно лютичной, почти полностью сменяются за один сезон: прошлогодние ткани в них отмирают, а за лето полностью восстанавливаются новыми. В общем, все эфемероиды — активно живущие растения. Ведь им надо уложить почти всю свою жизнь в какие-то два — два с половиной месяца!

Любопытно посмотреть, как пробивается сквозь почву, листву и снег росток ветреницы. У него нет ни острых чешуй, ни каких-либо колпач-

ков, ни острых узких листьев, как у эфемероидов-однодольных. А что есть? Вот что. Молодой стебелек, еще будучи в почве, отрастая от верхушки корневища, оказывается согнутым подобно крючку, образуя как бы колено. Этим коленом и пробивается почва с листвой. Выйдя на поверхность, крючок начинает распрямляться — и оказывается, что согнута была верхняя часть стебля с листьями и цветком. Таким способом прорастания обладают многие лесные травы, о которых мы расскажем в дальнейшем.

Сейчас же обратим внимание, что при таком способе прорастания листья и цветок остаются хорошо защищенными даже без специальных чешуй и покровов. Особенно цветок. Покровом для него служат три мутовчатых листа. Они же выполняют и роль чашечки, хотя считается, что чашечка у ветрениц (так же как и у печеночницы, и у сон-травы, о которой мы писали в мартовском номере) — это их ярко окрашенные чашелистики, а лепестков и вовсе нет. Но эти лепестковидные чашелистики очень яркие, крупные, и для простоты и наглядности их удобно называть лепестками. Итак, лепестки у ветреницы дубравной крупные, белые, обычно их шесть, но нередко бывает и пять. А у сон-травы всегда их шесть, с пятью лепестками (чашелистиками) крайне редки. А вот у печеночницы и горичветов (они тоже из семейства лютиковых) их много, до десяти, но зато они узкие.

Тычинок у ветреницы очень много, они образуют густое кольцо вокруг самой центральной части цветка — пестиков. Их тоже достаточно

много, хотя и гораздо меньше, чем тычинок, — от 10 до 20, и в каждом цветке их число может быть разным. Заметьте: стеблевых листьев у ветреницы всегда три и только лепестков шесть, но бывает и пять, пестиков 10-20, а вот тычинки никто и не считал. Их много. Обратили внимание: чем меньше число каких-нибудь одинаковых органов, тем реже и колебания в их количестве, а чем больше — тем колебания заметнее? Хотите проверить — в добрый путь! А о своих подсчетах напишите нам.

Цветок ветреницы — открытого типа. Здесь все на виду, и потому опылять его могут все, даже мухи. Вот почему завязи у этого цветка всегда остаются опыленными. Ветреницей этот цветок называют потому, что даже легкий ветерок колыхает тонкий изящный стебелек. Древние римляне называли ветреницу точно так же, как и мы: анемона — от латинского слова «анемос» — ветер.

ПЕЧЕНОЧНИЦА

Печеночница — самый ранний цветок, который распускается в наших лесах. В благоприятные теплые годы, когда снег стаяет в лесах уже в первую половину апреля, когда трава еще как следует не успеет не то чтобы отрасти, но и появиться, вдруг внезапно, среди прошлогодней листвы появляется ярко-голубой цветок, похожий на глазок: в серединке желтый кружочек из тычинок, а по краям — голубые лучистые ресницы — лепестки. Есть и чашечка из трех отдельных листочков. Ее можно увидеть, перевернув цветок «наизнанку». Сделать

это кажется очень просто. Ведь цветок как бы лежит на опавшей листве, будто кто-то его уронил. Однако нет. Попробавшись поднять цветок, вы убедитесь, что он сидит на прочной цветоножке, а цветоножка тянется куда-то в глубь почвы. Проследив за ней, мы обнаружим, что выходит она не просто из-под земли, а от основания довольно крупной почки, да еще с другими цветоножками. Одни из них — с уже распустившимися цветками, другие — с только-только готовящимися распуститься бутонами, которые либо склонены вниз, либо вообще согнуты крючком, так как совсем недавно вышли из почечных чешуй.

На снимке мы видим целый пучок, букетик цветков печеночницы. Так она выглядит в разгар цветения, когда жизнедеятельны все цветочные бутоны, бывшие в зимовавшей почке. Одни еще не успели отцвести, другие уже зацвели. Очевидно, что каждый цветик цветет не один день, а несколько, поэтому-то и происходит «накопление» цветков одного растения. Ес-

ли проследить за отдельным цветком, нетрудно убедиться, что так оно и есть: не меньше недели радуется он нас своей красотой, а в холодную погоду — дней десять, а то и недели две. Длительное цветение — одна из характерных особенностей ранневесенних растений. Обусловлено это, с одной стороны, еще прохладной погодой, когда замедляются все жизненные процессы, а с другой — слабой работой опылителей. Насекомых пока еще мало. Холодно.

А где у печеночницы листья и почему она так называется? Посмотрите, на снимке хорошо виден один из листиков, расположенный снизу от «букета». Как видите, он очень своеобразен, состоит как бы из трех широких лопастей. Потому и названо это растение печеночницей. Кто знает анатомию человека, тому легко найти сходство между этим листом и печенью человека, также состоящей из трех лопастей. Кстати, на латыни она тоже называется «печеночницей», что звучит как «гепатика», а печень — «гепар».

Заметили, что лист этот какой-то не очень весенний, староватый? Так оно и есть. Это перезимовавший лист, прошлогодний. Обычно таких листьев у печеночницы сохраняются три-четыре, в общем, столько, сколько было в розетке осенью. И всю зиму они лежат зелеными. Значит, печеночница — растение вечнозеленое? Да, так оно и есть. Правда, в отличие от настоящих вечнозеленых, к которым принято относить растения древесняные — деревья и кустарники, листья у печеночницы живут меньше. Развертываются они после цветения, из верхушечной части той же самой почки, откуда появились и цветки. После отцветания, уже в начале мая, медленно разворачиваются и растут с месяц, радуя взгляд своей блестящей свежей зеленью, а затем летом постепенно темнеют. Лето и осень они на своих длинных черешках торчат вверх, и потому опадающая листва редко прижимает их к почве. Другое дело — снег. За долгую зиму старые листья печеночницы уже почти лежат на почве, на листовом опаде. И зима для них не проходит даром. Края подвядают, кое-где появляются пятна. В общем, лежать под снегом — совсем не то, что красоваться на ветках. А по мере отрастания новых листьев старые, прошлогодние постепенно и вовсе отмирают и живут таким образом ровнешенько год. А у вечнозеленых листья опадают в течение лета или осени, а то и на следующий, то есть на третий год своей жизни. Поэтому в отличие от настоящих вечнозеленых травы, подобные печеночнице, называют зимнезелеными.

МЕДУНИЦА

Лет 20—25 назад медуница была самым обычным растением в наших смешанных и лиственных лесах. Это было зимнезеленое растение, и рядом с ее цветущими стеблями

всегда можно найти перезимовавшие листья, но в гораздо худшем состоянии, чем у печеночницы. Они не блестяще-лаковые, а мягкие, шершавые, кое-где подгнившие или частично увядшие, широко - овально - заостренные, на длинных черешках. Но самое интересное то, что на их общем темно-зеленом фоне выделяются округлые белые пятна. На одних листочках они заметны больше, на других — меньше или совсем не заметны. Чем дальше на юго-запад — тем они заметнее, а чем дальше на восток — тем менее заметны. Анатомические исследования показывают, что ничего белого на листьях медуницы нет — белизна обусловлена отсутствием в пятнах хлорофилла. Явление это (наличие на листьях пятен: белых, черноватых и иных) носит название пестролистности и свойственно чаще лесным растениям. Особенно широко развито в тропиках, свидетельством чему являются некоторые сорта бегоний и пеларгоний.

В апреле зимнезеленые листья медуницы, отросшие в прошлом году, находясь в отмирающем состоянии, как и у печеночницы, но в отличие от нее цветки медуницы отходят не непосредственно от наземной розетки, а от густооблиственных стебельков и притом в большом количестве от каждого стебелька. Стебельки эти начинают отрастать уже под снегом, и потому медуница также относится к разряду подснежников. Ее цветки — синие и розовые — распускаются на еще не полностью отросшем стебельке, листья на котором сидят густо, закрывая друг друга, как у кочана капусты. Однако затем стебель начинает расти быстро, и листья раздвигаются. Они хотя и крупные, однако гораздо меньше лежащих на земле, перезимовавших, но зато без пятен, свежие, светло-зеленые.

Кстати, а почему цветки медуницы разного цвета:

верхние, более молодые — синеватые, а нижние, отцветающие — розоватые? А это потому, что цвет лепестков у таких растений, как медуница, определяет вещество, называемое антоцианом, которое меняет свой цвет в зависимости от степени кислотности — щелочности (химики говорят — pH) клеточного сока: в более кислой среде он красноватый, в более щелочной — синеватый, примерно как лакмус. А степень pH зависит от состояния цветка — опылен он или нет: при опылении степень кислотности увеличивается (возрастает pH), и цветок краснеет, что служит указанием насекомым на то, что он уже «обработан». Кстати, то же самое часто бывает и с незабудками: вначале такие хорошенькие голубенькие цветки в конце цветения краснеют. Проследите за ними летом.

А вот и другая особенность цветков медуницы. Приглядитесь внимательнее к снимку. Внутри цветка хорошо виден столбик с булавовидным рыльцем, куда насе-

комые (в основном шмели) должны принести пыльцу с тычинок. Тычинки сидят еще глубже, внутри венчика. Но не на всех цветках. Если рассмотреть несколько разных экземпляров медуницы (с разных растений), то, к нашему удивлению, обнаруживается, что одни цветки имеют длинные столбики и короткие тычинки (как на фотографии), а другие — напротив — короткие столбики, но зато тычинки сидят у них внутри трубки почти что у самого ее верхнего конца и прекрасно видны снаружи. Это явление называется разностолбиковостью и вызвано необходимостью перекрестного опыления.

Медуница — хороший медонос: в основании венчика у нее выделяется много нектара, из-за которого ее охотно посещают шмели и пчелы. Потому и называется она медуницей, медункой. Каждый цветок у нее живет не так долго, как у печеночницы, всего один-три дня, но зато цветков много, и в целом цветут они дольше, чем у печеночницы.

ВОЛЧЬЕ ЛЫКО

Середина апреля. Снег в лесу только-только стаял, но еще лежит по оврагам. Трава едва пробивается, и даже подснежники редки, разве что на южных склонах оврагов повсюду цветут хохлатки, медуницы, ветреницы. И вдруг в темном лесу вы буквально наталкиваетесь на веточку цветущей сирени. Всего одну или две. Правда, сирень довольно странная: в виде простого хлыста или кустика с немногими ветвями и цветками на их верхушках, но сами цветки такие же: сиреневые, с трубочкой и четырьмя лепестками. Правда, внутри трубочки не две тычинки, как у настоящей сирени, и следов чашечки нет, но это уже детали. Если дождаться лета и посмотреть, что за плоды дает наш кустик, то сомнения в том, что это сирень, еще больше усилится. О ягодах этого кустарника мы расскажем позже, летом. Никакая это не сирень, а совсем другой кустарник — волчье

лыко, или волчьи ягоды.

В том, что это лыко волчье, очень легко удостовериться. Попробуйте сломать хлыстик с сиреневыми цветками. Ничего у вас не получится. Можно ободрать всю кору, измочалить древесину, но не сломать — до того она гибкая. Остается последнее средство — перекусить ветку. И тут сразу становится ясно, почему это лыко волчье: перечная горечь обжигает рот. Но перекусывать не следует. Волчье лыко — кустарник ядовитый. И кора его ядовита, и ярко-красные ягоды.

Рассмотрим ветку волчьего лыка поближе. Выглядит она довольно странно. Сиреневые цветки пучками по одному-пяти сидят прямо на ветке, почти без всяких цветоножек. А листья разворачиваются на самой верхушке ветки — свежие, молодые. Совсем не так, как у других кустарников: там цветки либо венчают молодые, уже облиственные ветки, как у той же сирени, либо сидят в пазухах листьев, как у других волчьих ягод —

жимолости лесной. А тут? Отчего такая странность? А оттого, что волчье лыко цветет вовсе не рано, а, напротив, довольно поздно. Ведь цветки закладываются в пазухах листьев, которые отрастают на верхушке ветки, как, к примеру, у крушины. Только у крушины цветочные почки идут в рост быстро и цветение длится в течение всего лета. А у волчьего лыка цветочные почки развиваются медленно и становятся заметными только к осени. Да вот только сами листья желтеют и опадают, а почки с цветками остаются зимовать. Иногда, правда, когда осень бывает теплой, цветки начинают раскрываться. Но это исключение. Обычно цветки раскрываются весной. Вот и судите сами — рано цветет волчье лыко или поздно.

Ранее мы назвали волчье лыко кустом. Но какой же это куст? Всего один хлыстик с двумя-тремя веточками. Второго такого в наших лесах не найдешь. Будто попал он к нам из каких-то неведомых мест. Отчего так? Да оттого, что почти все почки у него с цветками, а та, что дает продолжение ветви, всего одна, на самой верхушке. Вот поэтому получается не куст, а как бы маленькое дерево.

ОСИНА

Она — родственница тополей и ив. Все эти деревья и кустарники цветут рано весной, и о некоторых из них мы уже рассказывали в мартовском номере нашего журнала. Осина не дает таких «пушков», как ивы, и цветет более незаметно. Разглядеть осиновые сережки гораздо труднее. Для этого надо высоко задрать голову. Ведь осина — довольно крупное дерево. Но сделать это стоит, особенно когда хорошая погода и чистое голубоватое небо. Тогда, подойдя к осине, мы легко заметим раскачивающиеся на концах ветвей гибкие длинные сережки, на-

поминающие жирных гусениц. Они такие же, как у тополя, только более мохнатые, с чешуями и бахромчатым краем. Каждая такая чешуйка отходит от сережки и несет на своей нижней стороне всего один цветок, который состоит либо из тычинок, либо из пестиков, причем вся сережка имеет цветки только одного типа. Более того: все дерево либо только с тычиночными сережками, либо с пестичными.

На нашем снимке — мужские, тычиночные сережки. Хорошо видны серые мохнатые чешуйки и ярко-красные пыльники тычинок. У ивы они, как правило, желтые. И еще одно отличие — у ивы сережки торчат вверх и расположены по всей длине ветви, у осин же и тополей свисают с концов веток группами. Отчего так? А от того, что ивы — растения насекомоопыляемые, их сережки очень охотно посещаются разного рода насекомыми, собирающими с тычиночных сережек пыльцу, а с пестичных — нектар. Тополь же и осины — растения ветроопыляемые, их пыльца сухая, плохо собирается в комочки, зато хорошо разлетается по воздуху, особенно когда сережка качается на ветру.

Осину очень легко отличить от других наших деревьев по цвету ее коры — зеленоватой, сохраняющей свой цвет и зимой. Только два дерева у нас с яркой окраской коры: береза — с белой, да осина — с зеленоватой. Все же другие деревья имеют обычную черноватую кору, и их трудно бывает отличить друг от друга. Поэтому, легко отыскав осину среди других деревьев, интересно понаблюдать весной за порядком раскрытия ее почек. Сначала цветочных, а затем, недели через две-три, и листовых. К тому времени, когда начнут раскрываться клейкие листовые почки, тычиночные сережки уже опадут на землю, а пестичные потеряют свои мохнатые чешуйки и превратятся в гроздь маленьких зеленых

бутылочек. Это созревающие пестики. Зреют они очень быстро, всего один месяц.

Почки осины острые, покрытые снаружи несколькими чешуями, которые при раскрытии опадают на землю. Поэтому под деревом, когда кончается цветение, образуется густой опад из чешуй и сережек. Весенний опад не такой мощный, как листовой осенний. Но все же он есть и вносит свой вклад в формирование почвенного перегноя.

ГУСИНЫЙ ЛУК

Гусиный лук — целый род растений из семейства лилейных, включающий более сотни видов, широко распространенных в умеренных и южных широтах и действительно родственных лукам. В этом легко убедиться, рассмотрев строение цветков: шесть лепестков, шесть тычинок, один пестик из трех плодolistиков с одним столбиком и многими семенами в коробочке, которая образуется из пестика. Три — любимое число у ли-

лейных. Но соцветие у гусиного лука не похоже на лук. Да и желтое оно. Все гусиные луки всегда желтые. Соцветие находится на довольно длинном стебельке, который выходит из земли. В земле же находится луковичка, которая находится луковичка. Но до чего же крошечная! С булавоочную головку. А рядом находится другая луковичка, чуть покрупнее, от нее отходит один-единственный лист, но зато довольно крупный, длинный с соцветие или больше. Он играл роль покрывала или защитного колпачка, когда росток гусиного лука только-только пробивался сквозь почву и листву. Пробился — и края его стали расходиться, почти так же, как у хохлатки. Только там защитный лист был чешуевидным, а тут он вполне нормальный, длинный и зеленый.

В наших лесах два вида гусиных луков: желтый — более крупный, с широким листом и маленький — менее крупный, с более узким листом. Первый растет в дубравах, его мы видим на

снимках. А маленький — по лугам. Оба вида очень похожи друг на друга.

Ростки гусиного лука в наших лесах появляются рано, в конце марта — в начале апреля, бледные, желтоватые, потом они быстро зеленеют, торопятся расти и уже в середине апреля зацветают. А во второй половине апреля начинается их массовое цветение. В начале мая он уже отцветает, и весь май на верхушках стеблей торчат уже не цветки, а созревающие коробочки. Вскоре и стебли увядают, ложатся на почву, и дальнейшее дозревание семян идет в лежачем положении. Точно так же, как у пролески.

В начале июня коробочки окончательно созревают, желтеют и раскрываются. Семена оказываются лежачими на почве, но уже в стороне от материнского растения. Если их не унесут муравьи, все равно будет место для роста, выросшие дети не помешают родителям. Но чаще всего семена далеко разносятся муравьями. Зарядка их далеко не беско-

рыстна. Каждое семя гусиного лука снабжено особым белым придатком — присемянником. Он достаточно жирный и этим привлекает

муравьев. Они с большим удовольствием и трудолюбием стараются притащить присемянник, а заодно с ним и все семя к себе в муравейник. Но на пути муравьиных троп встречаются ухабы, кочки, ветки — и часть семян теряется. Таким образом, муравьи становятся сеятелями гусиных луков, далеко оттащивая семена от родителей. Ну а стебли гусиного лука тем временем окончательно высыхают и даже гнивают, и к середине июня никаких его следов на поверхности почвы не остается. Сидит в почве таинственная луковичка, к концу лета из нее появится росточек, который отрастет до поверхности почвы. Дальше зелья. Нужно переждать зиму.

ХОХЛАТКА

Среди ранневесенних растений очень интересную группу образуют эфемероиды, которые над землей живут не более двух месяцев. К ним

относятся хохлатки. В лиственных и смешанных лесах хохлаток бывает так много, что они образуют ковер из свежей зелени и фиолетовых цветов. В нижней части стебелька каждого растения сидит один чешуйчатый лист. Когда молодой росток пробивается сквозь почву, он играет роль тарана или иглы. Только нитка идет не за иглой, а спрятана в ней. Вышла иголка на поверхность почвы — и оказалось, что это не просто иголка, а узкий цилиндр-конус, раскрывающийся вдоль: края конуса расходятся, из образовавшейся щели выходит наружу стебелек-соцветие, а сам он отворачивается за ненадобностью в сторону.

След за чешуевидным листом снизу вверх идут по стебельку два листа сложной конструкции с массой небольших овальных листочков, сложенных очень плотно. Удивительно, как они помещаются внутри своей шкурки? Вверх от листьев идет соцветие. Два наружных лепестка: один крупный, с длинной шпорой, а другой — короткий, без шпоры, образуют цветок. На дне шпоры находится нектар. Шмели подлетают к цветку хохлатки, садятся на нижний беспыльный лепесток и просовывают голову с хоботком между двумя внутренними лепестками, которые скрывают тычинки и рыльце. Сделать это совсем непросто. Шмелю неудобно: нижний лепесток маленький, стебель качается, ветер колыхает соцветие! Поэтому некоторые шмели не желают «работать» на таком неудобном цветке, садятся на стебель, прокусывают основание шпорца и высасывают нектар. А хохлатка, если пронзился грабж, ограничивается самоопылением.

ПЕТРОВ КРЕСТ

Во второй половине апреля на крутых склонах лесных оврагов, среди густых кустов

орешника можно обнаружить очень странное растение — мясистые чешуйчатые побеги с фиолетовым оттенком. Жирное, мохнатое, это растение и привлекает к себе внимание, и в то же время настораживает, пугает. Нет, ничего опасного нет. Это довольно редкое теперь в России растение-паразит — петров крест. Если вы осторожны и терпеливы, то увидите, что перед вами соцветие, а в глубь земли уходит голый гладкий

ри чешуйка пустая и имеет отверстие. В эту пещерку заползают всякого рода инфузории, мелкие жучки. Но это с их стороны довольно неосторожно, так как внутренняя поверхность чешуйки (пещерки) выстлана особой тканью, в составе которой имеются желёзки, выделяющие нечто подобное нашему желудочному соку, то есть содержащие соляную кислоту. Оказывается, петров крест не только паразит, но и

стебелек, который в почве становится снова чешуйчатым, еще более жирным. Чешуйчатое корневище висит на корнях орешника и прикреплено к нему присосками. Присоски заменяют корневые волоски.

Когда в древности петров крест стал паразитом, его листья видоизменились, превратились в чешуйки, которые потеряли свой зеленый цвет. У каждой чешуйки свое оригинальное строение. Внут-

хищник! Цветки петрова креста тоже какие-то бледноватые, в виде клюва. Под этим длинным узким лепестком (шлемом) находится вторая — покороче и пошире, так называемая губа. Под защитой шлема четыре тычинки, а над губой — пестик с рыльцем.

А. ХОХРЯКОВ,
доктор биологических наук
Фото Р. Воронова

Дорогие ребята! Среди ваших апрельских вопросов больше всего — о перелетных птицах. Из Астрахани пишет Герман Трясучев: «Мы повесили на старый вяз под окном новую скворешню. В ней поселился молодой скворец. Звонкой песней он звал к себе подругу, но скворушки, осмотрев домик, почему-то покидали его. В чем дело?»

А виноват наш Барсик. Он влезал на скворешню и сидел на ней. Скворец грозно верещал, пытался клюнуть кота, но тот ловко отмахивался когтистой лапой. Тут мы сообразили обвязать ствол вяза у скворешни гладкой жестью. Барсик уже не мог забраться наверх, он сидел на суку и тоскливо мяукал. А скво-

рец обзавелся семьей и распевал по утрам веселые песенки.

Один раз я проснулся и услышал под окном мяуканье. Стало страшно, я подумал, что кот подобрался к скворешне. Оказывается, мяукал сам скворец: он перенял кошачьи интонации. В его трели слышались залихватские коленца, точь-в-точь как мяуканье Барсика.

Наконец, когда подросли скворчата и покинули родительское гнездышко, скворец и скворчиха тоже улетели в сторону леса.

Но в сентябре перед отлетом на юг скворец ненадолго вернулся. Сел на скворешню и запел. Его прощальная песня была печальна и тосклива, как мяуканье Барсика. Наверное, скворцу не хотелось покидать уютный домик и улетать за тридевять земель.

Дорогой Главный Почемучка! Расскажи, как живут птицы и звери на экваторе?

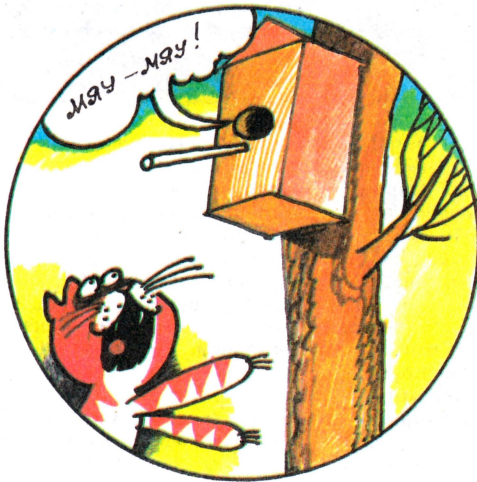
И я, ваш Главный Почемучка, отвечаю: «За морем житье не худо...»

На экваторе круглый год день равен ночи, солнце всходит в 6 часов и заходит в 6 вечера. Там нет заметной разницы температуры между днем и ночью (около $+30^{\circ}\text{C}$ и около $+25^{\circ}\text{C}$). Да и времен года, отличающихся друг от друга, нет. Сменяются только дождливые периоды сухими. В дождливое время идут ливни, обычно во второй половине дня и ближе к ночи. Снег там можно видеть только на горных вершинах.

Вот прочтите, что рассказывает об африканской флоре и фауне английский естествоиспытатель Алфред Уоллес.

В ТРОПИКАХ

В пять с половиной часов здесь еще полная темнота. Но вот то тут, то там крик птицы нарушает тишину ночи,— на восточном горизонте появился первый отсвет утренней зари. Несколько позже начинают раздаваться меланхолический крик козодоя, кваканье лягушек и причудливые крики всех населяющих эту область мира пернатых и других животных. После половины шестого появляются едва заметные первые проблески света. Сначала он нарастает медленно, потом так быстро, что и без четверти шесть становится светло, почти как днем.

ДРОЗДЫ

Затем в течение четверти часа не происходит заметных изменений, и вдруг в один момент появляется край солнечного диска, осыпают отягченные росой листья сверкающие перлы, посылает свои золотые лучи в глубь леса и пробуждает природу к жизни и прилежному труду. Порхают и поют птицы, кричат попугаи, визжат обезьяны, жужжат пчелы, необыкновенные бабочки медленно купаются в воздухе или сидят, расправив крылья, под первыми лучами солнца.

Первый утренний час в тропиках полон таким волшебным очарованием, которого не забудете никогда. Все окружающее освежилось прохладой и влагой минувшей ночи. Молодые листья и почки распускаются на глазах наблюдателя, а молодые побеги вырастают за ночь на несколько сантиметров. Трудно описать приятную свежесть воздуха. Легкая прохлада ранней зари смягчается живительной теплотой. Яркое солнце освещает роскошную тропическую растительность, облекая ее такой прелестью, которую может изобразить только волшебная кисть художника или пламенное слово поэта.

Но как ни прекрасна жизнь на экваторе, есть и там в природе свои противоречия. И там животные не везде чувствуют себя уютно. Профессор Борис Михайлович Житков пишет: «Наша североамериканская или сибирская тайга углубившемуся в нее человеку кажется пустынной, почти лишенной животной жизни. Таковы же во многих местностях и дремучие, сырые и непроходимые тропические леса».

Некоторые наши перелетные птицы — журавли, аисты — долетают до жаркого пояса, даже перелетают экватор. Однако весной все возвращаются к милому северу.

Разумеется, наши птицы не так красивы, как тропические, у них нет очаровательного яркого оперения. Зато наши пернатые гораздо лучше поют. В тропиках вовсе нет таких певцов, как наш соловей или певчий дрозд.

Стоп! Я вынимаю из своей почтальной сумки письмо Гриши Герасимова: «Расскажите, пожалуйста, о дроздах», — просит он. И я передаю слово нашему постоянному автору Евгению Павловичу Гришковскому.

Я сворачиваю с тропинки к лесу — напрямик. Прошлогодня полусгнившая трава скользит под ногами, грязные брызги летят во все стороны. Солнце шпарит, и над оголившейся пашней, слева, дымится легкими струями пар. А в овраге снег еще не растаял, еще не очистилось ото льда озерцо в ложбине, нет еще ни одного зеленого листика на кустах. Лишь ива пробудилась от зимнего сна, распушила шелковые «барашки».

Чу! Я слышу птичью трескотню. Наблюдаю головокружительные пируэты над деревьями. Дрозды прилетели! Милые весенние певцы. Тяжкая дорога, моя прочная зимняя усталость, городская суэта — все куда-то исчезает, уплывает, сменяясь тихой радостью и душевным покоем. Как хорошо послушать дроздов!

Самый искусный певец из дроздов — певчий дрозд. Он любит лесную опушку, заросший кустами берег оврага. Главный певун выбирает деревце с толстой крепкой вершиной, садится на самую маковку, крепко обхватив ее цепкими пальцами. Стройная, изящная фигурка дрозда — его шея, головка, клюв — все устремляется вверх, к солнцу, птица сидит почти вертикально, как живое естественное продолжение еловой макушки. И поет. Летят по лесу нежные рассыпчатые трели. Вокруг солиста, на той же елке, сидят его соплеменники, слушают маэстро. Во время виртуозных пассажей птицы громко стрекочут, дружно выражая восторг. Таких певческих группок может быть в лесу две, три, а то и более.

Вечереет. Бледнеет закатное небо. Притих говорливый ручеек, схваченная морозцем трава похрустывает, а птичий концерт не умолкает. Дрозды поют и поют...

Птицы умолкают в июне, когда появляются в гнезде птенчики. Пятеро птенцов широко разевают рот, орут, просят есть. Не до песен сейчас родителям. Деток кормить и оберегать надо.

Гнездышко дрозда — чудо! Глинобитные стены округлой чаши обмазаны внутри крепкой смесью древесной трухи и помета. Снаружи птичий домик, как малахитовая шкатулка, разукрашен мхом различных оттенков. Гнездо свито высоко на дереве, в развилке сучьев.

Когда я был мальчишкой, неразумным еще охотником за лесными тайнами, я все же углядел однажды на елке дроздиное гнездышко и полез к нему. Уж очень хотелось мне поглядеть на птенчиков. Но не успел я приблизиться к гнезду, откуда ни возьмись появилась взрослая птица, громко застрекотала и больно клюнула меня в лицо. Не помню, как я скатился с елки. Во всю мочь припустился бежать подальше. За мной вдогонку летела стая дроздов. Птицы клевались и брызгались чем-то липким и гадким.

Потом я узнал, как зорко охраняют птицы свою обитель. Пролетит ли хищная птица невдалеке, пробежит ли зверь или человек пройдет — с дерева раздается гневный стрекот. В опасный момент по сигналу бедствующей дроздихи мгновенно слетаются дрозды всей округи и действуют дружной ватагой. Шум, гам! Разъяренные птицы пикируют на обидчика, царапаются, брызгаются пометом или грязью из клюва.

Дрозд — многочисленная певчая птица семейства дроздовых. На земном шаре их 60 видов, в нашей стране 13. Самые распространенные в средней полосе: белобровик, деряба, певчий, рябинник, черный. Все — жители леса. Весной многие стаи летают далеко на север, в тайгу. Осенью, продвигаясь к югу, птицы клюют рябину и любую другую ягоду, сначала по лесным опушкам, а затем и возле человека — в садах и парках.

Но вот что поразило нашего наблюда-

тельного читателя Юрия Быкова из Москвы. Ранним декабрьским утром из окна квартиры он увидел непривычное: во двор прилетела огромная стая дроздов. Птицы сели на рябину и дружно стали клевать мороженую ягоду. А надо вам сказать, что рябины вокруг дома № 40 по улице Тухачевского предостаточно. «Уж наши мужчины постарались, насажали, когда озеленяли двор», — пишет Юрий. Но интересно было вот что: обычно дрозды-рябинники прилетали в Москву в сентябре — октябре. Внезапно покажутся, склюют рябину и так же внезапно исчезнут. А тут декабрь, а птицы только что спохватились клевать сладкую ягоду.

Да! Все так и было. Дрозды клевали в ту зиму рябину и в Москве, и под Москвой. Я видел это сам на улице Дружбы, в аллеях вокруг университета, и в Останкине, в Главном Ботаническом саду, и на подмосковной станции Сходня. В тот год рябиннику незачем было торопиться с кочевой на юг, ведь всюду — и в северных местах тоже! — созрел небывало богатый урожай рябины.

Обилие несклеванной рябины зимой — явление хоть и редкое, но закономерное. Более удивительно другое. С некоторых пор в Москве живут стаи дроздов, которые никуда не улетают на зимовку даже в неурожайные на рябину годы. Так же, как скворцы и утки. В городе появились места, где зимой можно укрыться и обогреться: там, где близко от поверхности земли проходит теплотрасса, где в пруд или речку сливают теплую воду. И зачем дрозду улетать на чужбину, когда в городе можно добывать и рябины, и крушины, и боярышника?

Некоторые орнитологи считают, что неверно думать, будто дрозды, так же как и многие другие птицы, улетают от нас из-за холода. Нет! Они улетают из-за того, что зимой им нечего есть. Существует мнение, что в некоторых местах, например, в Тамбовской области, где во множестве садовых участков с прекрасными густыми посадками плодовых и ягодников, рябинники из лесной птицы превращаются в спутника человека, в коренного обитателя дачных поселков.

Из Брянской области пишет Надя Сухинич: «Я, как услышу от брата: «Мышь!», — так мгновенно вспрыгиваю на скамейку. Очень боюсь мышей. И крыс

боюсь, хотя живую крысу ни разу в жизни не встречала. Неужели есть люди, которые не боятся этих противных животных?»

Представь себе, Надя, что такие смельчаки встречаются.

Серая крыса может служить примером животных, которые, совершив однажды путешествие с человеком, расселились потом по всему свету.

Когда-то она жила только в Юго-Западной Азии, в Китае. А сейчас нет на Земле уголка, кроме полярных стран и пустынь, где не встречалась бы эта особа, предпочитающая к тому же жить рядом с человеком, уничтожая его запасы и распространяя заразу. Образ ее жизни изучают биологи, медики. Иначе нельзя, крысы остаются врагом человека номер один среди грызунов. Врага надо знать, чтоб встречать его во всеоружии. Вот прочтите, что написал наш юный автор Сергей Ара.

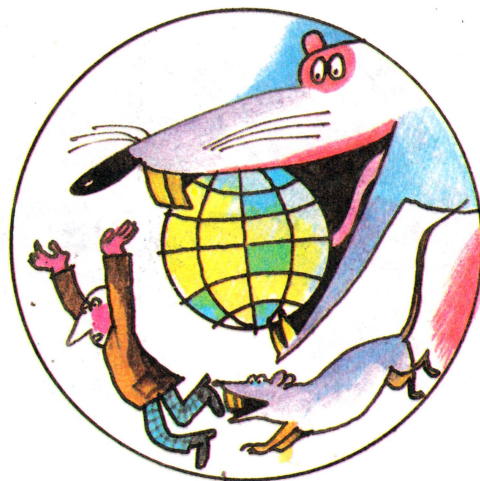
СЕРАЯ КРЫСА

Барак, в котором мы раньше жили, кишел мышами и крысами. Преодолев брезгливость и страх, можно было наблюдать за этими животными, стараясь понять их сущность, что я и делал. При всей моей неприязни к этим бесцеремонным, беспощадным крысам, я в то же время восторгался ими, так как не раз был свидетелем их завидной смелости.

Бывали случаи, когда крыса, попав в капкан, перегрызала себе лапу, а то и две, лишь бы уйти, уползти из неволи. Если же до прихода людей ей этого сделать не удавалось, она пыталась защищаться, нападать, бросалась из стороны в сторону. Иногда крыса уходила, унося с собой капкан.

Однажды трое мужчин, сидя около дома на скамейке, увидели крысу в траве. Схватив в руки что попало, они бросились к ней. Крыса стрелой вылетела из травы и побежала по дорожке. Преследователи — за ней.

Нечасто, конечно, можно видеть такую картину, когда трое мужчин гоняются за одной крысой, поэтому наблюдавшие эту сцену невольно улыбались. Вдруг грянул хохот. Крыса неожиданно резко развернулась и побежала прямо на обидчиков. А те бросились кто куда...

Москвич Игорь Пожидаев спрашивает: «Возможно ли, чтобы дикий кабан поселился рядом с человеком?»

Игорь! Самые осторожные дикие звери сами приходят иногда к человеку. Вот прочти отрывок из рассказа нашего замечательного зоолога Евгения Павловича Спангенберга.

ВОДА ОДОЛЕЛА

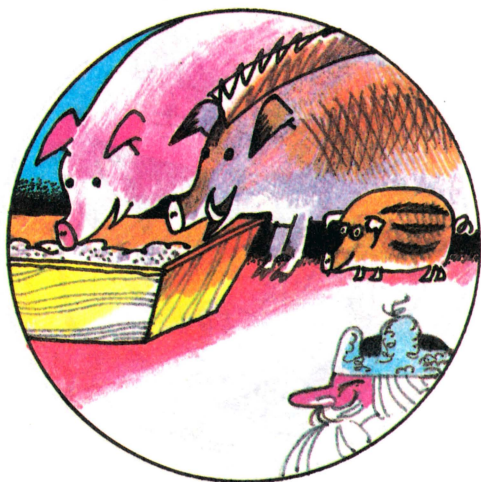
— Ты знаешь, папка,— как-то сказал мне сын,— я видел дикую свинью с поросянком. В самый разлив они приплыли в Дамбинскую яму, где на крошечном островке стоял домик лесника, и стали жить с домашними свиньями и коровами.

— Наверное, ты что-нибудь напутал,— усомнился я.— Беспородные домашние свиньи часто бывают поразительно похожи на кабанов; наверное, ты с такой одичавшей свиньей столкнулся.

Но сын так горячился и доказывал свою правоту, что я не мог ему не поверить. Он только что вернулся из Астрахани от дяди, с которым много походил по дельте Волги.

Меня этот случай заинтересовал. Ведь я хорошо знаю кабанов, знаю, насколько осторожны эти сообразительные животные, как они боятся человека,— и вдруг дикая свинья сама пришла к человеку!

— Знаешь, папка,— продолжал

сын, — старая свинья людей совсем не боится, но от них в стороне держится. Как подойдут к ней близко, полосатый поросенок за нее спрячется, а свинья сгорбится, ошетинится, недобро смотрит, того и гляди бросится.

Спрашивает сынишка у лесника: «Как это она не побоялась человека, сама к вам пришла?» А тот смеется: «Не сама пришла, беда пригнала, не пошла бы, да вода одолела. Вот как спадет вода, свинья с поросенком опять в камыши уйдет, здесь не останется».

Лесник прав. Вода заставит не бояться и человека... И я вспомнил случай.

Посетил я как-то дельту Волги в разгар наводнения и видел, как борются животные с водой за свою жизнь.

Где-то в глубине дельты высокая вода подняла копну сухого слежавшегося тростника. Быстрое течение подхватило ее, крутя, понесло по узким протокам и, наконец, выбросило на широкий простор взморья.

— Кабаны, свиньи с поросятами! — кричит стоящий на носу лодки босоногий мальчуган, и все встают, наклоняются под парус и смотрят в том направлении.

Застигнутые водой звери пытаются спастись вплавь, а сейчас отдыхают на ненадежном плавучем острове. Поросята выбрались на тростник и, провалившись ногами сквозь стебли, несколько погрузились в воду. Вытянувшись все в одном направлении, они лежали неподвижно, как будто затаились среди тростника и

боялись движением выдать свое присутствие. Положение взрослой свиньи еще плачевнее. Тростник не выдерживает ее тяжелого тела, и она, подмяв его под себя, отдыхает на воде, высунув на поверхность лишь длинную голову.

Лодка огибает островок и удаляется в сторону. Кабан — не заяц, помочь нельзя. Свинья не даст поймать поросенка, еще, чего доброго, бросится его защищать, перевернет лодку. Пусть отдыхают.

Удивительная это вещь — материнский инстинкт. Могучий зверь — дикая свинья, прекрасный пловец, не желает ради спасения своей жизни бросить на гибель детенышей.

Лодка продолжает свой путь, все дальше удаляясь от неподвижной группы. Все молчат, и у всех одна дума: только бы поросята выдержали, доплыли до берега.

Шестиклассник Паша Суриков рассказывает: «Один раз мой брат Николай показал мне на снегу след лисицы. С тех пор я замыслил найти лисью нору, да не знаю ее примет».

Паша! О приметах лисьей норы хорошо написал Павел Арсенийчук. Читай его сообщение.

ЛИСЬЯ НОРА

Летом, когда лисята вырастут и покинут родительский дом, лисица не часто посещает свою нору. Но если случится непогода или в лесу появится охот-

ник с собакой, тут уж нет ничего надежней собственного дома.

Отыскать лисью нору легче всего по свежей пороше, поздней осенью или в начале зимы.

Находишь цепочку следов и идешь по ним до самого лисьего дома. Сначала осматриваешь главный вход в нору, он у лисы рабочий. Есть еще и запасные входы и выходы.

Я изучил одну нору, которая поразила меня своим удивительно удобным расположением — у лесной опушки на холме. Лес с него просматривается со всех сторон, видны также холмы Старого села, летние постройки для коров.

Я уже сказал, что лисица не подходит к своему дому сразу, а совершает большой круг. Тропинка на снегу хорошо видна — это утоптанная канавка шириной около 15—20 сантиметров и сантиметров около 6 в высоту. Идешь по кругу и замечаешь, что тропинка вдруг пропадает, затем появляется одиночный след, петля, а уж потом — цепочка, ведущая прямо к норе.

По лисьей канавке ходит и заяц, и кабан пробежит, и косуля. Я называю тропинку лисьей, потому что она идет и к норе, и к полю, где лиса мышкует. Хотя правильной назвать ее — звериной тропой.

Из Новгородской области пишет Леша Коробков: «Почему дятел любит березовый сок?»

Самый-самый апрельский вопрос! Апрель — месяц березового сока. И есть у месяца древнее имя — березозол. Очень возможно, пошло оно оттого, что при неумелой добыче березового сока в апреле люди наносили деревьям непоправимые увечья. Народная мудрость гласит: «Березовицы на грош, а лесу на рубль изведешь».

О березовом соке рассказывает наш постоянный автор Василиса Васильевна Фомичева.

БЕРЕЗОЗОЛ

Взошло солнце. Воздух чист и прозрачен. Я стою на пригорке у могучей березы и смотрю на березовый лес за оврагом. Стволы блестят на солнце, сли-

ваются в розовую полосу, прерывающуюся темными вкраплениями елочек и голых кустов.

Но у моей березы ствол не розов, не бел и не гладок, а напротив — шершав, бугрист и темен. Ветки еще голые, без листочков, а почки набухли. Я срезаю веточку, ставлю срезом на ладонь, жду прозрачную капельку. Так и есть — каплет. Двигается по стволу весенняя влага...

Бывает, что сок у березы пробуждается даже в марте, если весна ранняя. В среднем начало сокодвижения в Подмосковье приходится на 8 апреля.

Что нового можно сказать о березовом соке? Пожалуй, что ничего. И мы вспомним нестарейшие его достоинства: весеннюю свежесть, душистую сладость, питательность, целебность... При заболеваниях дыхательной системы его пьют как укрепляющее средство, в косметике используют как лечебное — протирают кожу лица при воспалениях, в стоматологии применяют как противовоспалительное. В березовом соке есть виноградный сахар, множество полезных кислот, солей, витаминов. В Свердловской области в Балтымском лесу у девятидесятилетней березы собирали сок, в котором сахара было столько же примерно, сколько в спелой малине. И есть в этом соке весенняя тяга, движущая сила природы, воскрешающая всю нашу землю после зимних морозов.

Среди лесных жителей немало любителей березового сока: муравьи, жуки, разные мошки, птицы. Березовый сок обожают все подмосковные дятлы. В начале

весны, когда в лесу голодно, дятел выбивает березу на открытом месте, где много света и солнца, там сок пробуждается раньше. Долбанет своим крепким клювом по стволу — и готова дырочка. Еще удар — вторая дырочка, третья. Постепенно на березе, вокруг ствола образуется так называемое «дятлово кольцо». Вытекающий сок дятел пьет, приложив клюв к дырочке, а стекающие капли слизывают муравьи, выпивают бабочки.

Обратите внимание, дятел никогда не кольцует березу снизу, только сверху или на большом суку, где течение сока слабое и его потери небольшие. И можно найти в лесу березу, которую дятел кольцует из года в год. Птица не портит все деревья подряд, щадит лес. На коре, где дятел пробил дырочки, образуются наплывы, дерево не гибнет раньше времени. Но если брать в расчет, что все же попадают березы, погубленные дятлом, все равно польза, которую приносит птица лесу, превосходит этот небольшой ущерб.

А вот рана от топора! Если ее не замарать варом или воском, она может и не зарастить. На березе поселяются всевозможные бактерии, разрушительные грибки — и лес гибнет.

Моя бабушка Палаша из деревни Дьяковка каждую весну собирала и березовый, и липовый сок, ставила кувшины под одними и теми же двумя деревьями в своем саду. И первый, и второй сок она называла одним и тем же именем — березовик. «Какой же у липы березовик!» — говорила я, стараясь уязвить свою неграмотную бабушку. «Такой же, как у березы, — бодряк! Пей, пей... краше вырастешь».

Сок пили свежим и заготавливали впрок, сливали в два деревянных бочонка, ставили в подвал, в самое холодное место, чтоб не закис и сохранился до сенокоса, когда косцам полагалось выставить все самое вкусное, что есть в доме. А когда сокодвижение прекращалось, пробойны в стволах березы и липы затыкали до следующей весны специально изготовленными деревянными пробками, а щелочки замазывали воском.

Можно ли в наше время выпить весною стаканчик свежего березовичка? Можно, но в том только случае, если береза растет у вас в саду. Такую бе-

резу вы можете подсесть, умеючи, конечно. В лесу березовый сок разрешается добывать только организованно, с разрешения лесной охраны, и только в березняке, предназначенном к спилу, за пять лет до начала лесозаготовок. Подсачивать березу или липу в лесу самостоятельно никому не разрешается.

Ребята, скажите, что за растение изображено на этом слайде? Небольшая подсазка — одна из составных частей его названия связана с временем года.

И под конец, ребята, предлагаю новые вопросы.

1. В апреле, прилетев с юга, эти птицы разбиваются на пары и начинают ворковать. Голос самчика похож на глухой заунывный стон. Что за птица?

2. Кто бы мог подумать, что это насекомоядное млекопитающее прожорливей кита. Кит за сутки съедает такое количество пищи, которое не превышает двух процентов его веса, а зверек, будучи весом в среднем 20 граммов, за то же время успеваает поймать и съесть столько червяков, слизней, жуков, что их вес на 70—80 процентов больше, чем весит сам зверек. Кто это?

3. У вальдшнепа большие круглые глаза. Зачем ему такие?

До свидания, друзья! Срочно шлите письма с ответами на мои вопросы и новыми вопросами. Жду!

Ваш Главный Почемучка

ОГОНЕК

В доме было тихо. Даже маленького братика не слышно. Аленка подошла к окну. На улице морозно, ветер раскачивает ветки деревьев, а в комнате тепло и уютно. Она взяла банку с водой и осторожно полила комнатный цветок на подоконнике. И опять ей показалось, что он сразу же похоршел, стал еще ярче. «Как огонек,— подумала Аленка.— Не от него ли и тепло в комнате?» Девочка еще стояла у окна, о чем-то размышляя, и вдруг услышала голос мамы. Она еще раз бросила взгляд

на цветок-огонек — особенно яркий и необыкновенный сегодня, и радостная выбежала из комнаты.

Жаль, что быстро пролетели детские годы, но часто вспоминает о них Елена Александровна Благинина. Вспоминает свою большую дружную семью, в которой было девять детей, дом, где когда-то росла, диковинный цветок на подоконнике...

Много раз уже переиздавались книги ее стихов, написанные с огромной нежностью и любовью для самых маленьких: «Вот ка-

кая мама», «Научу обуваться и братца», «Аленушка», «Огонек». Помните: «Хрустит за окошком морозный денек. Стоит на окошке цветок-огонек?»

Он почти в каждом доме, но мало кто называет его по-настоящему — импатиенс. Так звучит родовое название в переводе с латинского. Часто называют его комнатным бальзамино, потому что относится он к семейству бальзаминовых. А самое популярное его имя — Ванька мокрый! Полюбили на Руси привезенный из-за моря-океана алень-

кий цветочек и окрестили по-своему. На далекой его родине — в тропических и субтропических областях Африки — лето жаркое, дождливое, а зима — сухая, но теплая. Во время сильных ливневых дождей, как и растения суккуленты, может запасть бальзамин влагу, а потом весьма экономно ее расходовать. Она — в сочном, полупрозрачном, водянистом стебле. Любит комнатный бальзамин, чтобы его часто и обильно поливали, особенно летом — сверху, из лейки, так, чтобы земляной ком был всегда влажным. Чем не дождь? Зимой Ваньку мокрого можно поливать реже и не так обильно. В хороших условиях стебель у бальзамина с большим количеством листочков, сильно ветвящий-

ся, раскидистый, а растение высотой в 40—50 сантиметров. Если рядом с гостем из Африки поставить другие комнатные растения, тесное с ними соседство не понравится ему и он сбросит листья. Сбрасывает листья бальзамин и зимой в прохладных комнатах и при недостатке света. Стоит весь голый — вроде и не такой очаровательный. Ведь у некоторых разновидностей бальзамина декоративны и листья. Они необычайной окраски — пурпуровые, темно-пурпуровые или даже почти черные с яркими, светлыми жилками. Есть бальзамин и со светло-зелеными листьями и лишь по жилкам красноватыми.

Неприхотлив Ванька мокрый, но быстро растет и обильно цветет только

на свету и в тепле. Растение это светолюбивое и теплолюбивое. Лучшие для него температуры в комнате не ниже +22 °С летом и +15 °С зимой. Горшок ставьте на южное, самое светлое окно, но обязательно притените его — яркого солнца наш герой не любит.

Весной пересадите бальзамин в новую землю. Приготовьте смесь из листовой, перегнойной земли и песка в пропорциях 1:1:0,5. Особенно легко переносит растение пересадку, если ком земли достаточно влажный.

Бальзамин — многолетник, но стареет очень быстро: обильно и продолжительно цветут только молодые растения до 3 лет, а старые требуют омолаживания. Их возобновляют верхушечными черен-

ками. Срезают их весной или осенью длиной не меньше 3 сантиметров и ставят в воду. Уже через несколько дней появляются корни. Черенки обычно быстро и легко приживаются на любом субстрате. Горшочек берите небольшой, тогда молодые растения будут цвести особенно хорошо. Подойдет любая рыхлая и питательная смесь, например, из листовой, дерновой, перегнойной земли и песка в соотношении 2:2:2:1. Молодые растения быстро растут: выросшие из весенних черенков цветут уже летом, а из осенних —

зимой. Цветы у комнатного бальзамина одиночные, крупные и очень яркие — чаще розовые или красные. Оттого и прозвали его «Огонек». Есть сорта бальзамина с белыми, лиловыми, темно-красными цветами, простыми (пятилепестковыми) или махро-

выми, с длинным изогнутым шпорцем на нижнем чашелистике.

Цветущий бальзамин словно увешан гирляндами огоньков — таким роскошным бывает его цветение, а цвести он может весь год. Стоит он на подоконнике — издали виден — словно огонек в окошке. И вспомнятся опять строки из стихотворения Елены Александровны Благиной: «Уж очень он ярък, уж очень хорош, уж очень на мамину сказку похож!»

Г. КУЛИКОВА
Фото Р. Воронова

КОРОЛЬ ЛУГОВ

Видимо, каждому приходилось слышать старинную поговорку: «Каждый кулик свое болото хвалит». Однако редко кто задумывался над, так сказать, зоологическим значением этих слов. А смысл такой имеется. Ведь и правда, семейство куликов насчитывает очень много различных птиц, повадки и места обитания которых подчас довольно сильно разнятся. К большому сожалению, люди, далекие от орнитологии — науки о птицах, — под собирательным словом «кулик» подразумевают какую-то абстрактную птицу-долгоносика, обитающую обя-

зательно в болоте. Поэтому для них не существует каких-либо отличий в поведении и облике бекаса и дупеля, вальдшнепа и гаршнепа. А это все кулики, каждый с совершенно отличным образом жизни и со «своим болотом» — местом обитания.

Причем поведение этих птиц столь интересно для натуралиста, что буквально захватывает дух при виде всплесков его проявления. По этой причине проникнуть в сокровенную жизнь птиц — необыкновенная радость для каждого пытливого и любознательного сердца. Но пернатая жизнь так хруп-

ка и взаимосвязана с окружающим миром, что наблюдать птиц следует крайне осторожно, чтобы людское вторжение не явилось пагубным и не принесло им беды.

Ведь за вашими натуралистическими прогулками следят и другие внимательные глаза. К примеру, стоит вам склониться над гнездом с птенцами, а хищный вороний глаз уже приметил, как вы разглядывали малышей. Таким образом, сами не подозревая, вы отдадите пернатых несмышленишей на разбой — обязательно ворона потом наведается в подсмотренное ею место

со злым умыслом. Поэтому каждый натуралист в душе мечтает занять шапку-невидимку, при помощи которой можно было бы поближе подобраться к любимой птахе и вблизи понаблюдать за ней, не причиняя вреда и не беспокоя ее своим назойливым любопытством. Вот и я предлагаю вам мысленно надеть такую шапку-невидимку, чтобы поближе познакомиться с жизнью одной из замечательных птиц, обитающих в нашей стране, но мало обращающей на себя внимание большинства людей. Среди болотно-луговых птиц этот кулик слывет истинным королем.

Уж так сложилось, что с незапамятных времен птица эта считалась знаменитым объектом охоты с ловчим соколом или с ружьем из-под легавой собаки. Речь пойдет у нас с вами о дупеле, одном из самых интересных куликов. Дупель и воистину был в почете у аристократов, а из-за кулинарных достоинств птицу эту чаще всего можно было видеть в прошлом на столах царственной знати. Именно по этой причине совсем небольшой, длинноносый дупель приобрел всемирную славу. Это уже потом внимание человека обернулось интересом к его биологии и любопытным повадкам. Эта сторона существования болотной птицы наиболее привлекательна для натуралиста.

Итак, предлагаю прихватить шапку-невидимку и отправиться на поиски дупелей. Скажу честно: в детстве я всегда мечтал о такой. И она почему-то в моем мальчишеском воображении представлялась в

виде гигантской шляпки красного, в горох мухомора.

Весна не может оставить равнодушным ни одного человека, особенно при наших надоедающих то холодных, а то слякотных зимах, долгих ночах и скупых на солнце днях. И конечно же, с нетерпением ожидаем мы прихода поворота жизни на лето. А какой подъем ощущает человек, когда почувствует запах приближающейся весенней поры, хотя кругом лежит снег и трудно поверить в будущую нежную закипающую зелень и бурлящий гомон птичьих голосов.

Но для того, чтобы посмотреть и послушать дупелиные концерты, нам придется подождать до начала мая. Птица эта возвращается с мест зимовок в родные края довольно поздно. К этому времени уже спадут вешние воды, а кое-где по приречным лугам засверкает изумрудным ершиком молодая травяная поросль.

Дупеля возвращаются группами по 15—30 штук. Обычно прилет птиц остается какое-то время незаметен. Птицы в эти несколько дней отдыхают и обсиживают на новом месте, в пожухлой прошлогодней некоси и по луговым кустам. К тому же дупель — птица сумеречная, его активность и кормежка приходятся именно на вечерние и утренние часы. В течение дня он предпочитает отдыхать, выбрав для этого место под кочкой среди луговой растительности. Лежит дупель, плотно прижавшись среди переплетений травы, готовый подняться на крыло только при при-

ближении непосредственной опасности. Очень надеется луговой король на свою покровительственную окраску. А одежды его — не столь яркие, но практичные — не очень, казалось бы, подходят королю. Они действительно под стать окружающему сухому разнотравью. По всему корпусу птицы на охристом фоне природа как бы ударами кисти разбросала коричневые пятна и черные треугольники. На брюшке же дупель носит серые перья с небольшими поперечными разводами, которые напоминают линялую редкую тельняшку бывалого путешественника.

Вот так, в нехитром наряде, отдыхают некоторое время дупеля, готовясь к одному из самых ответственных моментов в весенней жизни. И этот день наступает. Тогда дупеля подтягиваются к облюбованному для весенних токовых турниров месту. Обычно для этих рыцарских представлений они выбирают небольшое возвышение среди приречного луга. Эта токовая площадка, как правило, несколько возвышается над окружающей местностью и никогда не бывает затоплена водой. Дупеля довольно привязаны к избранному месту и устраивают там свои концерты из года в год. Бывает, что дупелиный ток несколько смещается от эпицентра

столкновений страстей, но само место почти всегда неизменно.

Дупелиную танцплощадку знающий натуралист может определить и по внешнему виду. Трава там несколько примята и, как ни малы по размеру птицы, кажется приотпанной. Кругом встречаются перья и помет куликов. Но не надейтесь увидеть здесь дупелей днем. В это время они находятся поблизости, но начало дупелиных танцев наступает с сумерками.

Зрелище это и забавное, и любопытное, и просто захватывающее. По накалу и проявлению страстей дупелиный ток одновременно напоминает аргентинское танго и рыцарский турнир, па балета и гладиаторский бой. Ну и, конечно же, проявление таких любовных страстей не может обойтись без молодецких серенад и песен. Дупель — птица довольно молчаливая, но в период тока он удивляет разнообразием своего репертуара. Собираются к токовой площадке с наступлением сумерек и те, ради кого устраиваются все эти представления, — будущие дупелиные мамы. Они сначала держатся в стороне от токов, но потом все ближе приближаются к танцплощадке, а в разгар самого тока выбегают и на саму арену.

Сначала на току слышатся странные звуки, несколько напоминающие кваканье. Это дупелиные дамы начинают переговариваться с кавалерами перед концертом. С наступлением сумерек пробуют подавать голос и токующие самцы. Песнь дупеля, если эти звуки можно так

назвать, передать словами очень сложно. Мне лично всегда слышалось пощелкивание, как будто перекатываются камешки гальки в ладонях. Постепенно щелканье это учащается и заканчивается росчерком.

А вот как описывал эти звуки знаменитый в прошлом орнитолог России, профессор М. А. Мензбир: «Это какое-то щebetанье или шипение, само по себе весьма негромкое, кончающееся обыкновенно весьма странным звуком, который происходит от того, что птицы вдруг, все вместе, с силой закрывают клювы, так что происходит щелканье, потом распускают крылья, встряхивают крыльями, и уже затем начинается драка. При встряхивании или махании крыльями раздается особый звук, имеющий отдаленное сходство с блянием бекаса. В общем эти звуки, однако, довольно громки, если принять во внимание незначительную величину птиц, и при окружающей их тишине последнюю часть песни можно слышать шагов за сто и более. Но эта конечная часть, щелканье клювом и удар крыльями есть, собственно, финал токования. Основной мотив песни — щebetание, те односложные звуки, которые я никак не берусь передать словами, как это пытались было некоторые английские зоологи, звуки, раздающиеся сначала медленно, потом все быстрее, громче и, наконец, сливающиеся в один общий концерт, в котором выражается весь экстаз птицы.

При этом чем-то напуганные птицы, отлетевшие от тока, очень быстро воз-

вращаются к нему пешком и при этом продолжают прокрикивать свою песню прямо в «пешем строю».

А теперь, чтобы посмотреть токовые турниры дупелей, придется нам воспользоваться мухоморной шапкой-невидимкой. Одеваем ее и занимаем лучшие места, чтобы было видно все представление. На токовой площадке собирается сразу несколько птиц. Среди них встречаются молодые самцы и старые токовики. По времени представление протекает таким образом. В начале весны ток начинается с сумерек и заканчивается за полночь, после перерыва он возобновляется и продолжается до восхода солнца. Но чем дальше наступает весна, тем ярче токуют дупеля. В это время их турнирные серенады можно слышать всю ночь. На току интересны не только дупелиные токовые песни, но принимаемые исполнителем позы и их рыцарские столкновения между собой. При токовой песне дупель принимает забавно-чопорную позу. Он выставляет грудь вперед колесом, опускает голову вниз, а распушенный веером хвост задирает вверх, касаясь им иногда макушки. Щелкая, дупель слегка приподнимается на своих ножках-ходулях и выгибает грудь. Вот так, распевая воинственные гимны и ярясь, дупель вызывает на поединок соперника. Не проходит и минуты, как самцы дупеля начинают выяснять отношения. В ход идет их основное оружие — длинный клюв. Но он не совсем подходит для турнирного копья, оружие слабо-

вато. Поэтому-то наибольший урон от него — это несколько выбитых перьев. Прогнав соперника, победитель лезет выяснять отношения с новым претендентом. А побежденный, отлетев в сторону, через несколько минут, придя в себя, уже опять спешит к токовой площадке, чтобы вновь помериться силами. Даже разогнанные опасностью с тока дупеля через некоторое время не могут удержаться, чтобы бегом или по воздуху не вернуться к месту турнира. Вот какое это забавное зрелище. Немногие могут похвастать, что были приглашены на такое представление.

С наступлением лета затихают тока. Наступает хлопотная пора воспитания потомства. Дупель — отец легкомысленный и участия в воспитании детей не принимает. Все тяготы и опасности в этот период достаются дупелихе. А опасностей хватает с избытком. Дупелиха строит свое гнездо прямо на лугу, подчас довольно далеко от места тока. Расположено оно на земле, под кочкой или на ней, но обязательно укрыто травой от чужого глаза. В отличие от своего родственника-бекаса дупель не любит сидеть в топком болоте. Его места обитания — это заливные приречные долины,

выпасы с кочкарником и кустами ивняка, сельские выгоны с наличием потных, то есть слегка влажных мест. Вот здесь-то и устраивает длинноногая мамаша свое нехитрое гнездо. Обычно оно представляет собой углубление, выстланное травинками и другой растительностью. Крепко на кладке сидит дупелиха. Кажется, что можно дотронуться до нее рукой. Обычно насиживание длится чуть больше двух недель. Дупеля — птицы выводковые, поэтому, как только появятся малыши, мамаша уводит их от гнезда. И начинается для них тревожное время испытаний и ученья

птичьим премудростям.

Обычно в дупелиной семье бывает до четырех птенцов, но едва ли половина из них достигает взрослого состояния. То луговой разбойник лунь стащит несмышленища, а то шныряющий енот или бездомная кошка полакомятся дупеленком. Да и человек руку прикладывает со своими удобрениями и химизацией полей и лугов, увеличивая губительный счет. Молодые растут быстро и в возрасте 14 дней меняют свое детское платье на взрослый наряд. Постепенно начинают они перепархивать, и их частенько в это самое время за стремление упорхнуть из-под ног называют поршками. К августу месяцу молодые дупеля почти достигают размеров взрослой птицы. Хотя они и держатся еще вместе, начинают вести самостоятельный образ жизни. Хлопот у них прибавляется, так как нужно готовиться к перелету на юг. А для этого необходимо запастись энергией на весь долгий перелет. Вот и откармливаются дупеля, стараясь накопить побольше внутреннего «горючего» — упитанности. В то время, когда мамы-дупелихи хлопотали со сво-

им беспокойным семейством, самцы дупеля прятались в укромных местах, меняя свой наряд. Период линьки — очень ответственный период жизни птицы, ответственный и опасный. К моменту отлета дупеля сильно жиреют, и случается, до такой степени, что подкожный жир проглядывает через кожу и перья.

Питаются дупеля в основном животными кормами, личинками, червяками и насекомыми. В меньшем количестве добывают они различные корешки. На кормежку дупеля с наступлением сумерек слетаются на грязевые лужи, поскотину, на влажные дороги. Следы от их ночных прогулок можно видеть на влажной земле дорог. Обычно эти крестики — отпечаток лапок и небольшие дырочки — следы работы клювом. Дупель — прекрасный летун и в период отлета на юг способен преодолевать большие пространства. Правда, напуганный и поднятый на крыло дупель на лугу отлетает не очень далеко и может прямо на ваших глазах опуститься на землю, метрах в 50.

Август — время отлета дупелей в теплые края. Эти кулики отправляют-

ся в путешествие в числе первых птичьих «эшелонов». И обычно к сентябрю уже довольно трудно встретить припозднившуюся птицу, хотя такое иногда и случается. Зимуют дупеля в Южной Африке; конечно же, не каждая птица может выдерживать такой длительный и трудный путь.

На этом можно было бы закончить знакомство с королем лугов — дупелем. Но не спешите прятать шапку-невидимку. Она вам обязательно пригодится, чтобы познать сокровенные тайны других замечательных обитателей наших полей и болот, а для знакомства с прочими куликами просто необходима. Этих длинноносых птиц насчитывается много, и каждый нахваливает «свое болото», но о них мы поговорим в другой раз. Познакомившись с дупелем, хотелось бы надеяться, что при прогулках где-нибудь в лугах или на сельском покосе вы более внимательно будете приглядываться к жизни, протекающей рядом и незаметной обычному взгляду.

О. МАЛОВ
Фото автора

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Дорогие друзья!

Когда редакция спрашивают, есть ли у «Юного натуралиста» спонсоры, мы отвечаем, главный наш спонсор (лучше покровитель, попечитель) — читатели. Лишь благодаря поддержке тех, кто по-настоящему любит родную природу, «Юный натуралист» выходит из месяца в месяц. Спасибо вам, дорогие друзья! Не забудьте, что подписка на «Юный натуралист» продолжается. Наш индекс 71121. До новых встреч!

Редакция

оказывается оказывается

Интересную особенность у новорожденных ящериц заметили биологи Аризонского университета. По их сообщению, по крайней мере шесть видов ящериц (а может быть, и больше) рождаются с временным запасом воды, которая находится в крохотном пузырьке и может поглощаться ящерицей в условиях повышенной сухости воздуха. Правда, биологи высказали предположение, что этот пузырек с жидкостью необходим в период созревания яйца для регулирования влажности окружающей яйцо почвы.

Пузырек сморщивается и исчезает примерно через месяц после рождения ящерицы. А обнаружен он был, когда однажды ученые заметили, как новорожденная ящерица выпустила небольшую каплю жидкости (как известно, мочевой пузырь у них отсутствует). Анализ жидкости показал, что по своему составу она очень близка к дистиллированной воде.

В 1982 году в Японии начались исследования в области выращивания овощей и других растений в питательном аэрационном растворе. Сегодня этот способ, названный гидропоникой, хорошо известен. Несомненно, у него большое будущее. С его помощью можно получать свежие овощи даже в домашних условиях. Способ позволяет снимать хорошие урожаи с ограниченных площадей, используя... лифты. Преимущество гидропоники состоит не только в возможности выращивать овощи даже в специализированных магазинах без химических удобрений, что особенно импонирует покупателям, но и в скорости получения урожая. Например, салат

при использовании метода гидропоники вызревает почти в три раза быстрее, чем в открытом грунте.

В юго-восточной части Тибета открыт естественный ботанический сад. Сад, в котором нет растений, посаженных человеком. Им объявлен участок местности площадью более 60 тысяч гектаров, протяженностью около 32 километров. Ботанический сад расположен на высоте от 550 до 6400 метров над уровнем моря. Он проходит через восемь растительных поясов — от тропического до арктического, — в которых произрастает около одного процента всех высших земных видов растений нашей планеты. Много это или мало? Трудно сказать, сколько видов существует на Земле на сегодняшний день. Немецкие ботаники, например, полагают, что их примерно 320 тысяч.

В девственных лесах этой местности обитает и несколько видов редких животных, включая антилопу мандес, черного мунджака — очень редкого подвида некрупных оленей, и большую панду, известную больше под названием бамбуковый медведь.

Вот и еще один вид коллекционирования появился на свет. Супружеская пара при поддержке тысяч владельцев частных участков проводит работу по спасению растений, находящихся под угрозой исчезновения.

Кент и Диана начали обмен семенами ради спасения редких растений еще в 1975 году, после того, как дедушка Дианы дал им семена трех садо-

вых растений, привезенных из Баварии почти 200 лет назад.

Супруги произвели обмен с пятью тысячами человек, получая от них сведения о редких разновидностях растений. Они уже собрали коллекцию, содержащую семена около 5 тысяч растений. Ежегодно семена третьей части растений высаживаются в их саду. Необычные коллекционеры с удовольствием обмениваются посадочным материалом со всеми желающими.

Проведенные исследования по учету китов показали, что синий кит — самое крупное животное на Земле, сегодня гораздо ближе к полному исчезновению, чем многие думают. За время последнего десятилетия ученые зафиксировали в Антарктике лишь десятую часть того количества китов, которое они надеялись найти. Предполагается, что во всем мире их сохранилось

не более 1200—1500. Итог последнего подсчета довольно печален, а ведь уже более 20 лет синий кит охраняется законом.

Когда смотришь на длинные ноги жирафа, кажется, что он-то и есть самый лучший бегун среди зверей, по крайней мере, на короткие дистанции. Эта мысль не покидает и тех, кто наблюдает за его бегом в саванне. Кажется, жираф несется с огромной скоростью. Но... так только кажется. Его максимальная скорость равна всего лишь 50 километрам в час, и бежит он чуть быстрее коротконогой домашней кошки. Та развивает скорость до 48 километров в час. А вот койоты бегают быстрее жирафов — около 70 километров в час. Но чемпионом среди братьев наших меньших считается гепард. Этот представитель кошачьих при погоне за добычей может развить скорость до 100 километров в час!

Выяснилось, что ядовитые змеи не всегда используют свой яд при защите от врага. Главным образом он нужен им при добыче пищи. Поэтому, кусая человека, они иногда яд не выделяют. Как определили американские ученые, около 20 процентов из числа укушенных ядовитыми змеями дозы яда не получают.

Наверное, все слышали об использовании собак в поисках наркотиков. Да, немецкие овчарки, например, оказывают хорошую услугу таможенникам и специальной службе по борьбе с наркотиками. Но, оказывается, использовать их можно не везде. В тропических странах из-за непомерной жары они быстро слабеют и выходят из строя. Кроме того, вид собак у туристов-мусульман вызывает чувство оскорбления, поскольку собаку они считают животным нечистым. А с мнением туристов, пополняющих бюджет посещаемой ими страны, следует считаться. Да и не так уж дешево

собаки, специализирующиеся в поисках наркотиков.

В Шри-Ланке выход из положения нашли в использовании для этой цели местных зверьков мангустов, с помощью которых местные жители испокон веков уничтожают в своих домах змей и грызунов.

Получив от Госдепартамента США финансовую дотацию, сотрудники зоологического сада Шри-Ланки провели экспериментальную программу по специальной тренировке мангустов как искателей наркотиков. Из десяти животных два показали обнадеживающие результаты в обнаружении гашиша и героина.

Набивать рот бабочками — это же, наверное, мучительная процедура! Однако аме-

риканские медведи гризли Йеллоустонского национального парка практически все лето питаются ими. В летние месяцы гризли затрачивают по 6—8 часов, добывая совок (ночных бабочек) из расщелин на скалистых склонах выше произрастания леса. В среднем за день гризли может съесть от 10 до 20 тысяч бабочек! Они являются для медведя прекрасным источником жиров и белков, необходимых ему для создания запасов на время зимней спячки. Исследователи полагают, что гризли питаются этими бабочками уже сотни лет, но теперь редко можно подсмотреть, как они их добывают, так как в последние десятилетия медведей, рискующих выходить на открытые места, часто убивают. Кроме того, свалки с пищевыми отходами обеспечивают медведям и иные источники питания.

Водные растительноядные млекопитающие американские и африканские ламантины обладают интересной особенностью. У взрослых особей этих животных по 5—7 коренных зубов в каждом ряду верхней и нижней челюстей. Со временем передние коренные зубы сшиваются и выпадают. Вот тут-то и происходит чудо. Задние зубы продвигаются вперед, занимая место выпавших, а вместо продвинувшихся вырастают новые задние!

В Австралии некоторые виды земляных червей достигают поистине гигантских размеров — около трех метров длины!

В экстремальных условиях древесный кенгуру, обитающий во влажных лесах Австралии и Новой Гвинеи,

может не только прыгать по деревьям, но и совершать огромные прыжки, соскакивая с дерева на землю, — до 18 метров!

Обычный полевой сверчок и саранча внешне похожи, а вот ведут себя по-разному.

При встрече двух полевых сверчков-самцов они начинают исполнять так называемую песню соперников. После нескольких взятых нот между ними возникает потасовка. Совсем по-другому поступают самцы саранчи. Соперники тоже поют, но, пропев несколько куплетов, мирно расходятся.

Чемпионом сезонных миграций является полярная крачка — небольшая белая птица с черной шапочкой и красным клювом. Для гнездовой она облюбовала районы Красного Севера — тундры Аляски, арктические острова Канады, Гренландию, нашу Сибирь. Осенью, покидая тундры, летит крачка к югу, да так далеко, что снова попадает в районы льда и снега. Зимует она в Антарктике. У одних путь миграции достигает 19 тысяч километ-

ров, у других он значительно длиннее. 32 тысячи километров — такой путь совершают наши крачки. И что интересно — птицы стараются избегать теплых районов, а некоторые из них при перелетах совершают даже крик в несколько сотен километров, только бы лететь над холодными течениями. Почему? Все объясняется довольно просто. В холодных водах больше мелкой рыбы и рачков — основной пищи крачек. Далека дорога, зато 8 месяцев в году эти птицы круглосуточно видят солнце.

В 1992 году монголо-американская палеонтологическая экспедиция обнаружила на территории Монголии остатки протоптицы.

Размеры ее от клюва до кончика хвоста достигали одного метра. Она не была похожа ни на кого из нынешних крупных нелетающих пернатых — страусов, эму, нанду или казуаров. Все последние (их общее название — бескилевые) обладают крепкими ногами и коротким хвостом; у них нет килевой кости, к которой крепились бы мускулы, совершающие полетное движение.

Животное населяло эту территорию 65—85 лет назад. Его строение вообще можно считать парадоксальным: некоторые черты его четко связывают с современными нам птицами, другие же — резко отличаются от них.

Как выяснилось, у находки при жизни были длинные тонкие задние ноги. Вытянутая шея может указывать на то, что на самом деле это была примитивная болотная или околотовная птица. Балансиром при движении ей служил длинный, примитивно устроенный хвост.

Это, а также строение зубов указывает на происхождение птицы от мелких двуногих динозавров — тероподов. Ученые все же полагают, что это животное было

более родственно нынешним птицам, чем известный всем археоптерикс.

Предполагается, что археоптерикс на короткие дистанции летать мог. Другие известные ученым протоптицы эпохи раннего мелового периода, по-видимому, могли уже в полете преодолевать несколько большие расстояния. Позже в Северной Америке уже обитали некоторые виды ныряющих и чайкообразных прибрежных птиц, у которых еще сохранились зубы и отдельные иные примитивные черты, но в остальном они выглядели как птицы.

Остается неясным, была ли способность к полету утеряна предками мононихуса, или же она развивалась независимо от различных ветвей древних птиц. Сегодня исследователи ответить на этот вопрос еще не могут.

Чем кормят слонов в неволе? Один из американских зоопарков сообщил, что живущий у них азиатский слон (напомним: он меньше афри-

Рис. Г. Кованова

канского) за день съедает: сена — 68 килограммов, зерна — 16 кварт (примерно 15 литров), хлеба — 4 буханки, капусты — 2 кочана, овощей и фруктов — 1 ведро и выпивает 180 литров воды.

В·Е·Р·Б·А

«На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышав, что Иисус идет в Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: осанна! благословен грядущий во имя Господне. Царь Израилев!» — так рассказывает в Евангелии от Иоанна о въезде Иисуса в Иерусалим в воскресный весенний день, за неделю до праздника Пасхи (дня Воскресения Христа после его распятия). Этот день отмечается в христианском церковном календаре как праздник. Он так и называется — Вход Господень в Иерусалим, или Вербное воскресенье.

В странах католической религии Вербное воскресенье — это праздник пальм. Почему именно пальмовыми ветвями приветствовали Иисуса Христа жители Иерусалима? На этот вопрос отвечает легенда.

Во время бегства в Египет (Дева Мария с маленьким сыном Иисусом и мужем Иосифом бежали от царя Ирода, отдавшего приказ убить всех младенцев в Вифлееме) святое Семейство вошло в некий большой город. Тотчас же во всех городских храмах все идола попадали с алтарей и разбились, а жители стали метаться по улицам с воплями ужаса, отчаяния и мести. Святым путникам пришлось бежать из города в пустыню, не захватив второпях никакой пищи. Вскоре Дева Мария почувствовала голод и жажду. Семейство остановилось отдохнуть в тени смоковницы, вблизи которой возвышалась финиковая пальма, отягченная плодами. Пресвятая Дева сказала:

— Как охотно вкусила бы я этих плодов, если бы можно было их достать!

Святой Иосиф потряс дерево, но плоды не падали. Он попытался сбить их палкой, но палка не долетела, так как он был стар и слаб. Он сказал:

— Финики растут слишком высоко. Пойдем дальше, может быть, найдем другую пальму, более доступную.

Но Мария была слишком утомлена и голодна. Она заплакала. Тогда Младенец Иисус повелел:

— Пальма, прекрасная пальма! Наклонись, подай свои плоды Моей кроткой Матери!

Пальма наклонилась, и Богородица сорвала фиников сколько хотела, после

чего пальма снова выпрямилась, покрытая плодами больше прежнего. Тем временем Младенец Иисус, посаженный Матерью на землю между корнями смоковницы, погрузил ручку свою в песок, и из-под перстов Его хлынул обильный ручей, утоливший жажду путников.

Иисус обратился к пальме с благодарностью:

— За то, что ты дала плод Моей Матери, я повелю Моим ангелам перенести одну из твоих ветвей в рай Моего Отца, а на земле в знак Моего благословения ты будешь служить венцом для всех мучеников и воителей за веру. Им будет сказано: «Вы заслужили пальму победы!»

В христианской религии пальма стала эмблемой мученичества, торжества добра над злом.

В тех странах, где пальмы не растут, их заменили другими растениями: на севере Франции — вербой и буксом, в Провансе — миртом, лавром, маслиной, а в России — вербой, одним из первых красиво цветущих весной деревьев. Священная верба считалась целебным средством от разных болезней. В ее отварах купали детей, от лихорадки рекомендовали съесть девять ее цветков. Верба, освященная в храме, приобретала особую магическую силу. Существовало убеждение, что она спасает поля от града, мышей и кротов, а дома — от пожара. Стоит вбить в стену вербовый колышек — тут же прекратится переполох, а испуг не причинит вреда. Освященной вербой выгоняли домашний скот на первый подножный корм, скармливали ее коровам, чтобы у них не портилось молоко.

Во время весенних праздников у язычников-славян вербу называли Перуновой лозой. Брошенная против ветра, она будто бы могла усмирить бурю, а кинутая в пламя пожара — уменьшить его разрушительное действие.

Исконным славянским обрядом было венчание вокруг ракитова куста (ракита — народное название разнovidностей ив: ветлы, вербы, ивы и других растений — осокоря, тополя). Не случайно Степан Разин, захватив на Дону власть, повелел казакам венчаться не в храмах, а около верб.

У западных славян верба была то благословенным, то проклятым деревом: она либо гнала нечистую силу, либо

служила ей пристанищем. Отсюда поговорка: «Влюбился как черт в сухую вербу».

В Вербное воскресенье было принято похлестывать друг друга расцветшей вербой, приговаривая: «Не я бью, верба бьет, через неделю Велик день (Пасха). Будь здоров, как вода, будь богат, как земля». Тех, кто проспит заутреню в Вербное воскресенье, ударяли вербой лозой и обливали водой.

Любопытно, что не все в старинных народных поверьях было выдумкой и фантазией. Веру в целебную силу вербы и многих ее ближайших родственников — ив подтвердили научные исследования.

С древнейших времен, возможно, еще с каменного века, когда все окружающее одухотворялось и обожествлялось, возникла вера в то, что злые духи не выносят горечи. Так как причиной лихорадки считались козни злых духов, разные народы пытались изгнать ее с помощью горьких растений. Благодаря этому суеверию индейцы Южной Америки открыли целебные свойства коры хинного дерева. Горькой корой ив издавна лечили простудные заболевания и ломоту в костях.

Ивы любят расти во влажных местах и особенно хорошо растут, если вода подступает к их корням. Но от сырости эти деревья и кустарники не простужаются. От простуды, несомненно, их охраняет горькая кора, следовательно, именно в ней надо искать целебные вещества.

В XIX веке заметили, что кора ив своей горечью сходна с корой хинного дерева, экстракт которой содержит алкалоид хинин — прославленное лекарство от малярии. Отвар ивовой коры начали применять от лихорадки, а в 1829 году французский фармацевт Леру сумел выделить из коры ив гликозид салицин, названный им так потому, что родовое латинское название ивы — «саликс».

Было логично предположить, что салицин содержится и в других растениях, требующих для своего роста избытка влаги. Швейцарский биохимик Пагенштехер выделил близкое к салицину вещество метилсалициллат из цветков таволги вязолистной — обычного растения низинных болот и влажных лугов. Вскоре в Германии была ис-

кусственно синтезирована салициловая кислота, а из нее, наконец, получен всем известный аспирин — ацетилсалициловая кислота, в названии которой сохранилось звучание имени ивы, а слог «спир» в аспирине напоминает о старом латинском названии таволги — «спирея».

История открытия аспирина может служить наглядным примером того, как иногда научная медицина обосновывает опыт медицины народной, накопленной веками.

Ивы отличаются друг от друга размерами, формой и опушением листьев, окраской коры, величиной цветков. Среди них известно большое количество карликовых видов, образующих миниатюрные кустарники, почти не поднимающиеся над поверхностью земли. Такие можно встретить на Крайнем Севере нашей страны.

Помимо того, что все ивы хорошо переносят сырость и при этом не страдают от «ломоты в ветвях», у них есть удивительное свойство зимовать с уже сформировавшимися цветками. Ивы сбрасывают колпачки, прикрывающие цветки, во время самых сильных морозов и глубокого промерзания почвы. Эти растения удивительно холодостойки, но цветки защищают не салицин или подобные ему вещества — они устроены так, будто одеты в теплую шубку.

У всех ив есть общая черта — очень мелкие семена с длинным шелковистым хохолком при основании, похожие на семена осины, с которой они в близком родстве. Все ивы с первых лет жизни очень быстро растут. Цветут они в разное время: одни — ранней весной, другие — в начале лета.

Все ивы двудомны. Это означает, что на одном дереве только женские цветки, на другом — только мужские. Мужские цветки ив лишены околоцветника и прикрыты лишь одной чешуйкой, в пазухе которой обычно располагаются две тычинки. Чешуйки внизу желтовато-зеленые, наверху — черноватые. Верхняя часть чешуйки покрыта длинными многочисленными волосками, которые придают еще не расцветшей сережке пушистый вид. Волоски, словно меховым покрывальцем одевая бутонны, дают им возможность переносить низкую температуру.

Еще одна особенность, отличающая ивы от других деревьев, — их необык-

новенная плодовитость. Стоит осенью воткнуть на берегу пруда или у колодца веточку ивы — к весне она зазеленеет.

Через год-другой превратится веточка в деревце, трепетно шумящее зеленой, серебристой листвой. Так размножаются все ивы, за исключением козьей, а ива плакучая иначе, как колыями или корневой порослью, вообще размножаться не может.

Жизненная сила ив необычайна. Стоит поставить в воду веточку, как на третий или четвертый день она пустит корни. Дубильные вещества, содержащиеся в вербе и других ивах, обеззараживают воду, и она, на удивление чистая, свежая, долго стоит, не портясь, а корни все растут и растут, заполняя сосуд.

В. АСТАХОВА

ТЕХДЕКИ

Они бывают похожи на ежа, крота или землеройку. А бывают до того странного вида, что остается только развести руками.

Но вот зоологи при виде любого тенрека руки лишь потирают от удовольствия. Мало того, что из ныне живущих зверей это, видимо, самые близкие к древнейшим млекопитающим, они служат еще и живой иллюстрацией даже не одного, а сразу двух эволюционных принципов!

Как считают ученые, когда много миллионов лет назад первые такие животные появились на Мадагаскаре, остров уже отделился от Африки. Первооселенцев скорее всего принесло на каком-нибудь

составляют там больше половины видов млекопитающих (остальные, почти все, лемуры).

Длиннохвостые тенреки похожи на землероек и также все время бегают. Их около 20 видов, которые живут в лесах и днем и ночью охотятся на червей, улиток и пауков. Тело у них покрыто темным мехом, а хвост длиннее тела в два раза. Считается, что примерно так могли выглядеть и предки многих плацентарных млекопитающих.

Среди длиннохвостых тенреков не только ростом, но и ушами замечателен длинноухий, встречающийся только в сухих областях. Он живет в гнилых ство-

клочке сплетшихся трав. Не встретив соперников, насекомоядные тенреки заполнили на новой родине все доступные экологические ниши и, приспособившись к ним, изменили свой облик. Так из одной группы зверей появилось много разнообразных видов. Зоологи называют это адаптивной радиацией. Другой принцип — конвергентной эволюции — гласит, что даже неродственные животные в одинаковых условиях начинают выглядеть похоже. Вот так на Мадагаскаре появились двойники европейских ежей, кротов и землероек.

Из 33 видов тенреков (число примерное — поскольку они плохо изучены) 29 обитают только на этом острове. Они

лаха деревьев, изобилующих термитами — его единственной пищей. Выслеживать насекомых ему помогают огромные круглые уши, но их он складывает, когда приходится пролезать сквозь разные щели.

Вокруг рисовых полей, где почва влажная, живут рисовые тенреки (их 3 вида), внешне похожие на кротов. И они тоже роют длинные ходы под землей и поедают насекомых, червей и моллюсков.

Около воды обитает перепончатопалый тенрек, любитель побаловаться рыбой и водными беспозвоночными. Поэтому он похож и на землеройку, и на выдру, а на задних лапах у него между пальцами развились перепонки.

Но только самых экзотичных тенреков зоологи причисляют к настоящим тенрекам. Но и тут мы встречаемся с двойниками. Покрытые иглами большой и малый ежовые (они же иглистые) похожи на наших ежей — только помельче — и тоже свертываются в клубок. Малый тенрек лазает за насекомыми по деревьям и кустам.

В этом семействе в основном ночные звери, но вот самый крупный среди них бесхвостый (хвоста почти не видно), или обыкновенный, тенрек выходит и днем. Он покрыт щетиной и иглами и в шар сворачивается. Вырастает размером с кролика, и местные жители употребляют его в пищу. А сам он есть разнообразных насекомых, червей, мелких животных. Подбирает плоды и бананы.

Гораздо меньше выбор у полосатых тенреков. Они исключительно ночные и питаются только земляными червями. Вот про этих трудно сказать, на кого они похожи: иглы и щетины торчат во все стороны, по бокам серые или желтые полосы.

Преимуществом первых млекопитающих над рептилиями была способность удерживать стабильную температуру тела и не зависеть от солнца. Благодаря этому они могли ночью охотиться на насекомых, как и сегодняшние тенреки. Когда зверьки неактивны, то впадают в оцепенение. Из-за этого и развилась у них необычайная плодовитость, которая способствует выживанию вида. Самки бесхвостого тенрека могут приносить в одном помете до 32 детенышей — больше, чем какой-нибудь другой зверь. Сосков у нее иногда бывает 29 — нечетное число, что тоже необычно. Впрочем, у некоторых видов в помете бывает лишь по одному-два детеныша.

Ритуал ухаживания обычно заключается в обнюхивании и тыкании рылом. Самец полосатого тенрека подходит к самке с поднятым вверх рылом и сует ей его в уши, щеки или иглы. Еще громко шипит. Если самке всё это нравится, она прижимает иголки к телу.

Полосатые тенреки, в отличие от большинства других, которые ходят сами по

себе, живут стаями по десятку особей. А чтобы не отбиваться от сородичей, у них есть пучок из полутора десятков особых иголок на спине. Напрягая подкожные мышцы, зверьки трут эти иглы друг о друга и издают высокочастотный звук, который понятен только своим. Подобный орган есть и у молодых бесхвостых тенреков. А вообще, семейство изучено, пожалуй, хуже всех других млекопитающих, и в поведении разных видов еще много необъясненного. Например, многие тенреки могут шелкать языком. Не исключено, что это эзолокация, полезная в охоте на насекомых.

Иногда ежовые и некоторые длиннохвостые виды выделяют из желез, расположенных в веках, странное белое вещество, которым стараются обмазать всякий вертикальный предмет. Самое простое объяснение — так тенреки метят территорию.

Один из видов семейства известен лишь по двум плохо сохранившимся экземплярам, добытым еще в 1929 году. С тех пор его не встречал никто. Такая же судьба — напоминать о себе лишь музейными экспонатами — ожидает в будущем и многих других тенреков. Природа на Мадагаскаре, к сожалению, быстро уничтожается. Поэтому многие загадки тенреков так и не будут разгаданы.

А. КУЗНЕЦОВ

ЛЕДОХОД

С неделю дул то мягкий и сырой, то жесткий и холодный ветер, что приносит с собой дождь, поедом съедающий снег. Но лед на реке все стоял. К полудню на нем появились лужи.

И однажды ночью где-то в верховьях река сломила-таки лед.

Вторые сутки снизу поднимался продолжительный гул: это река валила берег, на котором мы живем. Тот, к кому подошла вода, переносил жилы выше — так, чтобы хотя бы двадцать лет жить спокойно, не боясь затопления.

А река между тем каждую весну ела и ела высокий правый берег, проглатывая его огромными ломтями: с плетнями, тропинками и сором переселенцев, из года в год прижимаясь к правому берегу и снося его, а слева оставляя песчаную пойму. Это дивная пойма! В мае, в заливных теплых озерах, здесь хорошо голыми руками ловятся прошлогодние шурята, да старожилы режут тальник и плетут из него отменные, сверкающие растительным лаком корзины.

А мой земляк, встретаясь со мной вдали от родимых мест, сказал, что река теперь подмыла и унесла все наше послевоенное сибирское детство.

В. БОГАТЫРЕВ

ЗЕЛЕНЫЙ ВЕТЕР

Возвращался домой после лесной прогулки в лирическом настроении. Шел в легком раздумье, свежие мысли и чувства, пробудившиеся после свидания с удивительными местами малой родины, свободно входили в сознание, прекрасно мечталось. На оперяющиеся ветви деревьев и кустаников смотрел вскользь: передо мной как бы красовались картины увиденного в прошедшие минуты.

Но светло-зеленого ветра я не заметить не смог. Вдоль лесной опушки, где в мареве весеннем цвели ивы-бредины, медленно кружилась сказочный ветерок. Пыльца летела, словно легкие снежинки, кружась и замедленно приземляясь. В прохладный вечер на опушке веяло особенным, несказанным теплом.

Н. АЛЕШКИН

КРЫЛАТЫЕ ГОВОРУНЫ

Виноват Онезикрит, рулевой одного из кораблей древнего полководца Александра Македонского: это он привез из далекого похода в Индию диковинную птицу, переразвивавшую человеческую речь. То был первый представитель попугаев, ставших затем известными в Европе под названием александрийские. С них началось увлечение говорящими птицами, продолжающееся с невиданным размахом и сегодня. После александрийских были открыты и другие их виды почти на всех континентах — свыше 300, больше всего — в Австралии, Центральной и Южной Америке. От самых маленьких, меньше нашего воробья, до таких гигантов, как гиацинтовый ара, у которого от клюва до кончика хвоста — почти метр.

Если бы потребовалось составлять на попугаев фоторобот — портрет из наиболее характерных черт, — то главными отличительными признаками оказались бы клюв и лапы. Ни у кого нет такого крючковатого клюва, даже у хищных птиц. Верхняя половина его изогнута вниз так, что полностью перекрывает нижнюю, а с черепом соединяется как бы на шарнире. Благодаря этому широко раскрывающийся клюв может захватывать очень крупные плоды и даже помогать при лазании по толстым ветвям, словно третья нога. Кстати, крепкие толстые лапы тоже необычны: в отличие от других птиц у попугая два пальца направлены вперед, а два — назад. Это создает их владельцу дополнительные удобства: попугай ловко действует ногой как цепкой и сильной рукой, крепко удерживая в лапе все, что разделяет клювом, добывая пищу. Со своей отличной у попугая и язык: толстый, мясистый, он как бы даже мешается

во рту. Как они с таким языком ухитряются еще и разговаривать? Впрочем, ученые утверждают, что язык попугая здесь ни при чем. Тогда чем же они воспроизводят звуки, говорят? И для чего у некоторых видов этих птиц на кончике языка щеточка из ороговевших ворсинок?

Живут попугаи долго, как люди, и даже дольше людей, дотягивая иногда почти до 100 лет. Со сменой хозяина у птицы нередко меняется характер — то был спокойный, добродушный, а стал сердитый, агрессивный, в зависимости оттого, каким оказывается их владелец. От этого же в большей степени зависят и способности попугаев: внимательный, терпеливый хозяин может научить смысловую от природы птицу не только отдельным словам и фразам, но и целым монодогам, а то и шутливым трюкам: церемонным приветственным поклонам, кувырканию через голову.

Сравнение пестро одетых людей с попугаями не случайно. Наряд у этих птиц отличается самым неожиданным сочетанием ярких, сочных расцветок. Достаточно привести описание оперения, например, у многоцветного лорикета — одного из видов щеткоязычных попугаев с островов Новой Гвинеи и из Австралии. Спина, крылья и живот у него обычно зеленые, голова — голубая, лиловая или темно-синяя. По бокам на шее есть поперечные оранжевые или красные полоски. Зоб и верх груди красные или оранжевые, а нижняя часть — темно-синяя. Хвост зеленый, но снизу — желтый, а клюв красный. Ну чем не попугай? Однако есть разновидности крылатых говорунов и с более строгим вкусом в одежде. Скажем, один из самых

больших попугаев — какаду, голова которого обязательно увенчана задристо торчащим чубом, напоминающим прическу современных панков (или панки напоминают этих попугаев?). Окраска какаду, как правило, — однотонная, как вечерний наряд: есть белые какаду, серые, черные. Крикливый, но очень понятливый, легко поддающийся обучению и дрессировке.

Но не клоунской одеждой или смешными повадками привлекают попугаи людей. Главным остается их способность и в природе, и в неволе перенимать и очень похоже воспроизводить окружающие их звуки. Они легко имитируют голоса других птиц, животных — лай собаки, мяуканье кошки, трели звонкого или телефонного звонка, несложные мелодии. Однако обучение ручных попугаев человеческой речи требует не только терпения и долгого времени, но и понимания, что птицы эти, как и ученики в школе, все разные. И каким бы хорошим ни был учитель, не всякий попугай порадует его большими успехами. Даже самый способный из этого племени — серый жако порой не всегда оказывается талантливым в обучении. Для раскрытия таланта требуются определенные навыки и условия. Например, попугаям легче подражать более звонким голосам женщины или ребенка, чем глуховатому мужскому. Повторяющиеся слова и фразы желательнее произносить в одинаковых условиях, с одной интонацией и даже в определенное время — ведь попугай усваивает и воспринимает звуки вместе с ситуацией. И не покажется удивительным, если при выключении света раздастся его скрипучее «Спокойной ночи!», а после звонка будильника: «Доброе утро!»

Рис. Р. Мусихиной

Записки натуралиста

ЗА СМОРЧКАМИ

Весна в полном разгаре. Мы входим в лес, просвеченный солнцем. Воздух насыщен сыростью и запахом прошлогодних листьев. Наша цель — найти первые душистые грибы со сморщенными конусообразными шляпками. Но разве можно спокойно искать грибы, устремив свой взгляд в бурую от листьев землю, когда лес полон жизни и движения? А может, и цель у нас другая? Вероятно, так. Потянуло нас в лес посмотреть на весеннюю природу и ее пробуждение.

На прогретых солнцем полянах раскрылись мать-и-мачеха и медуница. Не отстают от них и другие первоцветы. Белая береза расцвечена мелкими зелеными листочками, а лещина, наша ореховая дарница, выбросила длинные пыльные сережки. Только дуб еще темный стоит после зимней спячки.

Вот он, первый весенний гриб — сморчок! Сквозь листву пробилась коричневая сморщенная шляпка. Какой запах! Осторожно срезаю его и укладываю в лукошко. Не спешу, грибник, осмотришься кругом, в одиночку сморчок расти не любит.

Вот и лукошко полно. Пора домой. Весенняя прогулка подарила хорошее настроение и множество впечатлений.

Н. КАРТАШОВ

«ВРЕДИТЕЛКА»

Весной у сельских мальчишек свои хлопоты и заботы. Для нас весна начинается с ручьев, которые мы расчищаем лопатами и направляем в овражек или в речку. Потом мастерим и вывешиваем на берегах скворечники, оттапливаем от речного берега жердинами синие ноздреватые льдины.

С нетерпением ждем, когда очистится от всего наносного Аполинка и ее воды уберутся в русло. Вот тут-то наступает самый интерес: нерестится

рыба. Сначала в широкие заводи заходят крупные щуки. Сходятся самки и самцы. Продвигаются тихим ходом. Щука-самка мечет икру, а самцы, надавливая на ее бока, поливают икринки молоками.

День ото дня мелеют заливчики. Щучьи мальки уходят в проточные воды. Подоспела пора нереститься плотве. Рыба ищет быстроводные узкие места. Из полноводной Жереспей плотва прет в Аполинку. Мальчишки знают об этом от старших, которые нерестовую рыбу отлавливают норотами.

Как делать норот, нам, мальчишкам, показал долговязый Иван Голосистов. Из орешины изготавливаются три, одна меньше другой, дужки, и кончики каждой скрепляются палкой-поперечиной. А затем все три полукруга располагаешь друг от друга сантиметров на сорок и сверху накладываются и крепятся березовые горбыльки. Получается конусовидный каркас. Его обтягивают полотном так, чтобы узкая горловина сеточки оказалась посередине больше полукруга из орешины. Остается края сетной горловины растянуть в стороны тонкими веревочками да прикрепить их концы к ребрышкам норота. Изделие готово.

Такую рыболовную снасть мы готовили летом, когда орешина и лозняк достигают своей наивысшей гибкости.

Так что сейчас наша мальчишечья ватага, заметив проходившего задворками с норотом на спине Кольку Камышова, притихла.

Наконец рыжий Женька Ключихин шепотом произнес:

— Видать, плотва пошла на нерест.

Не сговариваясь, мы разбежались по хатам. И первым делом каждый полез на чердак, чтобы осмотреть норот.

Я тоже тщательно обследовал свою снасть и убедился в ее исправности. Сунув в карман горбушку хлеба и достав из-под лавки топор, я отправился на дальние луга, туда, где Аполинка выпрямленным руслом устремлена в

Жереспею. На этом участке речка узка, отчего течение воды напористое.

Прощупав дно шестом, я выбрал местечко с твердым, ровным грунтом, для приметы вбил в бережок ольховый колышек. Затем отправился в ближайший лес. Там срубил ель и двенадцать осинок. И все вместе с еловым лапником перетаскал к ольховому колышку.

Метрах в двухстах по разные стороны от меня занимались на речке тем же самым мои приятели.

Чуть передохнув, я поставил еловое бревнышко на попа и опустил его поперек речки. Получилась кладочка. Со стороны верховья вдоль переправы вбил в подводный грунт колышки, которые заготовил по три штуки из каждой осинки.

Дело оставалось за воротом, и я помчался за ним домой. По пути меня догнали взъерошенный Женька Ключихин и рослый Вовка Тимохин. Они, как и я, были возбуждены предстоящей рыбалкой.

Спустя час, стоя на еловой кладке, я опускал перед полуметровым просветом вбитых колышков свой норот так, чтобы края его широкой дужкой плотно прилегли к осинкам. Сверху из еловых лап соорудил запруду. Получилась плотина. Так что плотве теперь оставался единственный вход — в сетную горловину норота. А нерестящейся рыбе требовалось лезть в узкий, против течения, лаз.

Поставив нороты на ночь, мы разожгли на берегу костер. Время от времени по сплошной темноте ходили проверять свои запруды: не вытряс ли кто снасть? Такие случаи каждую путину бывали у наших старших ребят.

На рассвете мы отнимали от кольев прижатый водой лапник, вытаскивали норот и обнаруживали в нем десятков пять-шесть плотвичек. Значит, нерест начался. Еловые лапки и осиновые колья были сплошь в икре.

Потом плотва повалила валом. Ею набивался полный норот. Даже не знаешь, как донести до дому всю пойманную рыбу. В холщовую торбу она не вмещалась. Нанизывали через жабры на лозовый прутик.

Как-то оказавшись в затруднительном положении, я снял с себя рубашку, перевязал ее у ворота лозинкой и этот мешок наполнил рыбой.

Возвращаюсь с рыбалки с полной торбой и рубашкой. У своей хаты стоит низенькая, сухонькая бабка Степанида. Все ее внимание — на меня.

— Здравствуй, баба Степанида, — с достоинством поздоровался я.

— Доброго здоровья, Ленчик. Чем нагрузилась?

— Рыбой, — отвечаю гордо.

— Куда же ее тебе столько?

— На жаренку, а которую посушим. Сушеную мы толчем в ступе, а муку добавляем в корм курам. От нее куры хорошо несутся.

— Золотые яички... — раздосадованно вздохнула моя собеседница. — А мамка что тебе за икростую рыбу говорит?

— Она на работе.

— Управы на вас нет. Неси...

Я подтряхнул на спине свою носу — лозинка развязалась, и рыба шухнула на землю у моих ног. У меня на глаза навернулись слезы.

— Собирай свой горький трофей в кучу, а я схожу за посудиной.

Она вернулась с мятым тазом. Мы наполнили его обвалившейся в земле рыбой. Бабка Степанида слабовидящими глазами осмотрела свои руки.

— Тут же все залеплено икрой. Это ж загубленные рыбки! — с возмущением произнесла она. — Быстро несем на речку мыть твою плотву!

Там, на мели, каждую плотвичку мы освободили от икры и молок. Затем прополоскали торбу и рубаху. Бабушка задумалась. Потом грустно проговорила: — Сколько же вы, безжалостные мальцы, убиваете жизнью! Пожалуй, я вам налажу нерестовую рыбалку.

В наступившую ночь мы опять поддались на луг караулить снасти.

Под самый рассвет, когда начала одолевать дрема, послышался шелест водных струй. Насторожились. Надо бы бежать к норотам, а в душе у каждого страх зародился. Но никому не хочется показать себя трусишкой. Преодолевая боязнь, уходим к своим маленьким плотинам. Перекликаемся нарочито громко.

Я иду по росной траве и вслушиваюсь. У моей запруды булькает вода, шмякает лапник. Я остановился. Испуг объял всего меня: вдруг там вор? Чем-нибудь тяжеленьким хряснет — и конец.

— Эй, вор! Уходи!

Тишина. Затем пришелец опять завозился. В сплошной темени я его не вижу. И вдруг, видать в спешке, ночной разбойник обрывается с кладки. Зашлепал по воде. Выкарабкался на берег да как бросится наутек.

Подошел я к своей плотине, а она разгорожена. Вытащил пустой норот, осмотрел — сверху в сетном полотне дыра с большой кулак.

Собрались мы у костра. Обменялись впечатлениями. Оказывается, со всеми норотами проведена одинаково предательская разрушительная операция.

Так и пришлось на этот раз возвращаться домой без добычи. А когда проходили мимо хаты бабки Степаниды, заметили развешанные под поветью лисячью юбку и поношенную кофтенку. Неужели бабке на стирку дня не хватает?

А тут и сама она выходит из сеней. В свежей кофте в синий горошек и бордовой юбке. Вот так старая Степанида: ни свет ни заря принарядилась! Женька шепнул мне на ухо то, о чем я уже и сам догадался. Бабка, приставив ребро ладони к надбровью, внимательно изучала нас.

— Что это нынче рыболовы идут с пустыми руками? — усмеяется.

— Потому с пустыми, — отвечает ей Женька, — что ты, баба Степанида, вредителка.

— Я-то вредителка?! — возмутилась старушка. — Они губят миллионы рыбьих жизней, а я... Да я — спасателка! А вот вы... Вы — браконьеры!

Мы ни капельки не обиделись на бабушку Степаниду. Наоборот, рассмеялись. Понимали — права она была.

На том и закончилась наша нерестовая рыбалка.

Л. ГОРЮНОВ

НА БОЛОТЕ

Ходил на болото. На то, где в прошлом году собирали клюкву. Тогда оставалось еще порядком — неожиданный снег оборвал сбор ягод.

Клюквы хватало. И все-таки она уже потеряла яркость, местами почернела. Опоздал. Нужно было идти сразу после снега.

Часто попадаются на глаза гнезда,

в которых неизменно лежит по четыре яйца. А в одном уже шевелился птенец, видимо, только-только разбивший скорлупку. Остальные три братца еще молчали в своих «домиках».

С каждой минутой нарастал тоскливый крик поднятых мною с гнезд чибисов. Он давил так, что я не выдержал и ушел с болота.

Н. ТЕРЕНТЬЕВ

ГРАЧИ И ОВЦЫ

Второй месяц весны начался, а погода холоднее, чем в марте.

Возле колхозной фермы на старых дуслистых ветлах грачи начали ремонтировать взлохмаченные гнезда. Да вот непогода разгулялась уже который день, не до ремонта. Совсем позимнему бело и холодно. Но куда же подевались птицы?

В просторном загоне с подветренной стороны фермы — овцы. Им, длинношерстным, холод нипочем.

Стоят овцы плотным косяком, будто снежные сугробы. Им тепло в шубах. На боках снег подтаивает. А на спинах — грачи! Вот они где расквартировались! Многие из них тоже снегом густо припорошены. Доводилось наблюдать раньше, как они добывают шерсть у овец и коров себе для гнезд. А тут, видно, другое дело: сидят неподвижно, никуда лететь не собираются и шерсть не дергают. Да они же греются! Вот уж действительно нашли теплое место в полном смысле этого слова. И корм рядом.

Овцы, видно, тоже не против такого содружества. За все время наблюдения ни одна не попыталась избавиться от незваных гостей.

Как часто, чтобы обидеть человека, обзывают его овцой или бараном. А вот есть, оказывается, чему нам, умным, у этих овец да баранов поучиться.

Е. ЦУРИКОВ

ЛЯГУШАЧЬИ СВАДЬБЫ

Весна была с причудами: на горе подавала голос кукушка, а береза еще не распускалась. В ямках, крутых излучинах белели остатки снега, а речка уже сошла как-то незаметно, и только в затоках все еще стоял ровный немолчный шум.

Я шел с огорода от лошадей и, свернув к небольшому болотцу с озерками темной воды, услышал тихое урчание. Когда до озерков оставалось шагов пять-шесть, все смолкло. Я выбрал местечко, повесил узду и пристроился под сухой ольхой на крошечном островке.

«Какая тут может быть жизнь? — думал я. — Какие «отклики»? Какие страсти в холодной воде у жителей с холодной кровью?»

— Буль-буль-буль, — всплыли и лопнули, словно пузыри, первые звуки. Никто не отозвался. — Буль-буль-буль, — послышалось опять.

Но весна — везде весна!

— Буль-буль-буль,— всплыли опять пузыри.

— Ур-р, ур-р,— раздалось в ответ.

— Буль-буль-буль,— доносилось с кочки посредине озера.

Наконец-то началось! И в эту минуту я понял, что за события здесь происходят — лягушачьи свадьбы. Вдруг что-то шлепнулось в воду и поплыло на середину озера под кочку.

Темный студень воды дрогнул, замерцал, озерцо ожило, закачалось, и белые треугольнички неслышно двинулись ото всех сторон к середине. И оттуда через протоку на мелководье. Я четко видел их. Они шли у самых моих ног. С урчанием переползали через ржавые палки, продирались сквозь мокрую траву... Их было одиннадцать — белых вздувшихся подбородков.

— Ур-р, ур-р,— урчали они, толчками продвигаясь вперед. А с боков, из-под темных бережков, лохматых кочек наперерез им под водой спешили темные тени. Упруго отталкиваясь, скользя, приближались они к своим избранникам. То было кавалеры.

— Ур-р, ур-р,— перекатывалось от берега к берегу. Это была радостно-возбужденная песня весны.

И. МАКСИМОВ

БЕЛ-ЦВЕТОК

Ликует, буйствует апрель-первоцвет. Дубрава еще светла, прозрачна. Сквозь узорную вязь обнаженных дубов, лип, берез, кленов на взъерошенный опад прошлогодней листвы полуденное солнце источает ливень тепла и света. Лучезарная благодать! Куда ни ступи в лесном просторе, безбрежно осянному небесной лазурью,— благоухает необозримое пестроцветье.

Тут и там, поднимая, взъерошивая настил отрухлевшей ветоши, полыхают разноцветными огоньками куртинки медуниц, сиреневых хохлаток, щедрой россыпью горят золотые звездочки гусяного лука, чистяка, селезеночника. А что это за белопенный коврик в густо-синей оправе? Подхожу ближе. О боже! Сколько же красоты, радости и торжества жизни. Разливом пламенеющей сини пролески

заполнили почти целую поляну, а посреди синь-синевы чистой свежевыпавшего снега белеет крохотный островок анемонов. «Анемон» происходит от греческого «анемос» — ветер. А у нас этот бел-цветок называют просто ветреница дубравная. Потому цветет она в пору весенних ветров, и ее сочно-зеленый эластичный стебелек-цветонос дрожит, клонится от малейшего дуновения, но... не ломается даже при ураганном ветре.

В пущах украинского Полесья ветреница давно уже стала большой редкостью, и теперь вот, чтобы вдосталь насладиться прелестью этого обаятельного растеньица, я, затаив дыхание, становлюсь перед ним на колени. В островке до полусотни цветков, раскрывающихся по одному на каждом стебельке. А стебелек чуть толще обычной спички и не выше ученического карандаша. Три жилковатых листа, мутовкой расположенные в вершине стебля, как бы узорчато раскрыты на несколько более мелких долек. Из того же узла мутовки кверху выброшена ворсистая стрела, на которой красуется не крупнее пяточка чарующий, как лучистое облако, бел-цветок.

Цветок ветреницы! Символ весны. Изящество изумительного мастерства великого ювелира, имя которому Мать-Природа. Их венчики в виде миниатюрного блюдечка образуют от шести до восьми слегка вогнутых лепестков. В начале цветения эти мини-блюдечки отличались едва уловимым лилово-розовым оттенком, а теперь вот все до одного блещут неописуемо чистой белизной. Внутри каждого венчика пышно топорщится лучистый пучок нежных лепестков, тычинок, щедро припорошенных пылью, как бы натертой из червонного золота.

Только тычинки и пестики таинственно рождают семена, извечно продляющие жизнь. И чтобы сберечь их от каких-либо невзгод и напасти, белоснежные лепестки укрывают сердечко венчика ночью и в непогоду, будто теплые, плотно сомкнувшиеся крылышки.

Мало кто знает, что от упавшего в землю семечка ветреницы до появления ее цветка проходит не менее 12 лет. Столько времени потребовалось вот этому цветку-эфемеру, который я бережно держу сейчас на ладони. Сперва улыбаюсь, восторженно удивляюсь, радуюсь

ему. И вдруг грустная мысль охватывает душу. О! Пленяющий цветков ветров! Увижу ли я его через год, а может быть, не встречу даже завтра. Почему? Да потому, что, возможно, вслед за мной сюда явится людское равнодушие и бессердечно сорвет эту безмолвную красоту. Зачем? А затем, чтобы через час или два выбросить ее, как омертвевшую ветошь

П. СТЕФАРОВ

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Н. Сладков. Сафари, или скорлупа кокосового ореха	1
А. Хохряков. Апрель-водолей	6
Клуб Почемучек	14
Г. Куликова. Огонек	21
О. Малов. Король лугов	24
Оказывается	29
В. Астахова. Верба	33
А. Кузнецов. Тенреки	36
Записки натуралиста	42

НАША ОБЛОЖКА:

На первой странице — рысь; на второй — жирафы; на третьей — скопа; на четвертой — морские черепахи.

В номере использованы фото из журналов «Audubon», «National geographic» и «National wildlife».

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор Б. А. Чащарин
Первый заместитель главного редактора, редактор
отдела писем и массовой работы
Л. В. САМСОНОВА
Редактор отдела науки Г. Д. ФЕДОРОВА
Ответственный секретарь М. Н. ОСЕННОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 9.02.94. Подписано в печать 4.03.94.
Формат 70×100 1/16. Печать офсетная. Бумага
офсетная. Усл. печ. л. 3,9. Усл. кр-отт. 16,9.
Уч.-изд. л. 4,8. Тираж 41200 Заказ 2241
Ордена Трудового Красного знамени Чеховский
полиграфический комбинат.
142300, г. Чехов Московской области.
Учредитель — трудовой коллектив редакции
журнала «Юный натуралист».
Журнал печатается при финансовой поддержке
Комитета РФ по печати.
«Юный натуралист», 1994, 1—48.

Телефон 285-89-67

НАШ АДРЕС:

Индекс 71121

В самом названии этой черепахи — суповая — заложена ее печальная участь. Превосходный вкус мяса, возможность сохранить черепаху в живом виде во время долгих плаваний превратили ее в объект неустанных преследований. Потому такую вот картину увидишь теперь нечасто. Преодолев огромные водные пространства, суповые черепахи приплывают на отмель, где началась их жизнь. Здесь отложат они яйца, чтобы в положенный срок из них вылупились крохотные черепашата и устремились навстречу волнам. Счастливого вам пути, черепашки!

